

Джулиана Грей
Наука страсти
Серия «Принцесса в бегах», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7907263
Наука страсти: роман: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-080458-0

Аннотация

Прелестная Эмили, которой угрожает смертельная опасность, вынуждена, переодевшись юношей, поступить на службу к одинокому герцогу Эшленду, герою Наполеоновских войн, под видом домашнего учителя для его сына-подростка.

Поначалу девушка панически боится сурового хозяина, но очень скоро ее страх переходит в робкое любопытство, а от любопытства недалеко и до нежных чувств.

Однако рано или поздно герцог узнает в молодом наставнике таинственную красавицу, покоровшую его сердце и подарившую надежду на новое счастье...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Джулиана Грей

Наука страсти

Роман

Пролог

Лондон, Англия
Октябрь 1888 года

В два часа ночи, когда холодный осенний дождь барабанил по задернутым дамастовыми шторами окнам городского дома на Парк-лейн, герцога Олимпию разбудил камердинер и сообщил, что внизу, в кабинете, его ждут три леди.

– Три леди, говоришь? – спросил Олимпия таким тоном, словно осведомлялся о трех совокупающихся гиппопотамах.

– Да, сэр. И двое сопровождающих их лиц.

– В моем кабинете?

– Я подумал, так будет лучше, сэр, – ответил камердинер. – Кабинет расположен в задней половине дома.

Олимпия устоял на герцогский балдахин у себя над головой.

– Разве не Ормсби должен заниматься подобными вопросами? Это его работа. отошли женщин прочь или отправь их до утра в верхние спальни.

Камердинер поправил рукав халата.

– Мистер Ормсби предпочел обратиться ко мне, ваша светлость, поскольку дело носит личный характер и требует незамедлительного вмешательства вашей светлости. – Голосом он слегка выделил слово «незамедлительного». – Слуги, разумеется, отправлены на кухню.

У Олимпии сразу заныли уши. Его затуманенный сном мозг начинал просыпаться, как разгорается потухший огонь в камине, возвращенный к жизни угрюмой горничной.

– Понятно, – сказал он, все еще глядя на балдахин. Под головой у него в наволочке из превосходной ткани лежала невесомая подушка из мягчайшего пуха, уютно обволакивая его ароматом лаванды, а сам он, как в теплом коконе, устроился на мягком матрасе под тяжелыми одеялами. Пришлось выпростать из этого убежища руку и стянуть с головы ночной колпак. – Ты сказал, три леди?

– Да, сэр. И собака. – Не меня интонаций, камердинер все же сумел выразить свое неодобрение появлением пса.

– Полагаю, корги. А что леди – две белокурые, одна с каштановыми волосами?

– Да, сэр.

Олимпия сел и тяжело вздохнул.

– Я их ждал.

Восемь минут спустя, в желтом халате, изобилующем британскими львами, с аккуратно причесанными седеющими волосами и чудесным образом выбритым подбородком, герцог Олимпия бесшумно открыл дверь в свой личный кабинет.

– Доброе утро, мои дорогие, – сердечно произнес он.

Три леди подскочили в креслах. Корги высоко подпрыгнул, приземлился, распластав лапы, на бесценный аксминстерский ковер, где тотчас же и осрамился.

– Прошу прощения, – сказал Олимпия. – Заклинаю, не вставайте.

Леди вновь опустились в кресла, за исключением самой младшей, с каштановыми волосами. Та взяла на руки собаку, браня ее шепотом.

– Ваша светлость, – сказала старшая из дам, – приношу свои нижайшие извинения за неподобающий час нашего у вас появления. Надеюсь, мы не подняли на ноги весь дом. Мы не собирались беспокоить вас до утра...

– Да только этот ваш дурацкий новый дворецкий, Ормсби, или как там, к дьяволу, его зовут... – выпалила младшая.

– Стефани, дорогая моя! – воскликнула старшая леди.

Олимпия улыбнулся и закрыл дверь. Замок мягко щелкнул. Герцог прошел в комнату и остановился перед первым креслом.

– Луиза, милое дитя. Как ты чудесно выглядишь, несмотря ни на что. – Он сжал ее руку. – Величайшее удовольствие снова видеть вас, ваше высочество, после столь долгих лет.

– О дядя. – По бледным щекам Луизы разлился румянец, ее запавшие голубые глаза наполнились слезами. – Вы невероятно добры.

– А, Стефани, дорогая моя разбойница. Представь себе, недавно я встретил одну юную леди, так сильно напомнившую мне тебя. Уверю, мое старое сердце сразу заныло. – Олимпия потянулся к руке Стефани, но та отпустила собаку, спрыгнула с кресла и с размаху обняла герцога.

– Дядюшка герцог, до чего здорово, что вы взяли нас к себе! Я знала, что вы не откажете, вы всегда были славным малым!

Юные сильные руки Стефани крепко обнимали его за талию. Олимпия ласково похлопал ее по спине и рассмеялся.

– Ты всегда была самой безрассудной девчонкой на том чертовом коровьем пастбище, которое вы называете своим домом.

– Хольштайн-Швайнвард-Хунхоф вовсе не коровье пастбище, дядя герцог! – Стефани отпрянула и шлепнула его по руке. – Это самое очаровательное княжество во всей Германии! Сам герр фон Бисмарк назвал его великолепным. А дорогая Вики...

– Да, разумеется, дорогая моя. Я просто немного тебя подразнил. Уверен, оно совершенно очаровательно. – Олимпия с трудом удержался, чтобы не передернуться. От буколических ландшафтов у него скручивало живот. Он повернулся к последней принцессе очаровательного Хольштайн-Швайнвард-Хунхофа, средней дочери, успокаивающей корги. Тот попеременно то зевал, то начинал скулить. – И Эмили, – сказал он.

Эмили подняла взгляд и улыбнулась ему из-под очков.

– Дядя. – Она опустила корги на ковер и встала.

Сколько же ей сейчас лет? Двадцать три? Двадцать четыре? Но глаза кажутся старше, круглые, совиные, невероятно древние на чистой коже лица с изящными скулами. А волосы при свете единственной электрической лампы на столе Олимпии отсвечивают золотом. Две другие гостьи весьма привлекательные девушки с царственными чертами лица, что отлично видно на фотографиях, но красота Эмили более изысканна. Она прячется и скрывается за стеклами очков и застенчивым характером. Ученый, вот кто такая Эмили: она разбирается в латыни и греческом лучше, чем сам Олимпия. В крови их семейства имеется предрасположенность к гениальности, и Эмили она досталась в полной мере.

– Моя дорогая девочка. – Олимпия взял ее за руки и поцеловал в щеку. – Ну, как ты?

– Все хорошо, дядя. – Она ответила спокойно, но в голосе послышались слезы.

– Садитесь скорее. Я велел принести чаю. Должно быть, вы совершенно измучены. – Он показал на кресла, а сам устроился на уголке письменного стола. – Пересекли Ла-Манш вчера ночью?

– Да, после заката, – сказала Стефани. – Меня два раза вырвало.

– Право же, Стефани! – резко оборвала ее Луиза.

– Это все лакрица. – Стефани снова опустилась в кресло и посмотрела на позолоченный потолок. – Никогда не могу устоять перед лакрицей, а тот маленький мальчик на пристани...

– Да, в самом деле, – поддакнул Олимпия. – А что ваши слуги?

– О, с ними все в порядке. Крепкие желудки и все такое.

Олимпия кашлянул.

– Я имею в виду – кто они? Им можно доверять?

– Да, разумеется. – Луиза снова метнула укоризненный взгляд в сторону Стефани. – Наша гувернантка – как вам известно, она с нами уже тысячу лет, и папин... – тут ее голос слегка дрогнул, – папин камердинер, Ганс.

– Да, я помню Ганса, – отозвался Олимпия, вызывая в памяти плотного сложения мужчину, не особо ловко обращавшегося с шейными платками, но зато глаза его пылали преданностью хозяину, которому он служил еще до того, как князь женился на самой младшей сестре Олимпии. – И мисс Динглеби тоже помню. Именно я отправил ее к вашей матери, когда Луиза достаточно подросла и начала учиться. Рад слышать, что ей удалось спастись вместе с вами.

– Значит, вы уже слышали, что произошло. – Луиза смотрела на свои руки, плотно сцепленные на коленях.

– Да, дорогая моя, – участливо произнес Олимпия. – Мне очень жаль.

– Конечно, он слышал, – ожидаемо резко воскликнула Эмили. Ее глаза, устремленные на Олимпию, остро поблескивали под очками. – Наш дядя узнает обо всех подобных вещах зачастую раньше, чем весь остальной мир. Ведь правда, дядя?

Олимпия развел руками.

– Я – обычный человек. Просто время от времени кое-что слышу...

– Чепуха, – отрезала Эмили. – Вы нас ждали. Расскажите, что вам известно, дядя. Мне бы хотелось хоть раз услышать все целиком. Видите ли, когда оказываешься в гуще событий, все очень перепутывается. – Она настойчиво смотрела на него этими своими мудрыми глазами, и Олимпия, чьи внутренности ничто не могло легко растревожить (за исключением буколических ландшафтов), внезапно отчетливо ощутил кувырок где-то в районе печени.

– Эмили, что за дерзость! – воскликнула Луиза.

Олимпия выпрямился.

– Нет, моя дорогая. В данном случае Эмили совершенно права. Я взял на себя смелость полуофициальными путями навести кое-какие справки. В конце концов вы – моя семья.

Последние слова эхом пронесли по комнате, вызвав образ матери девушек, сестры Олимпии, умершей десять лет назад в тяжелых родах, когда она произвела на свет долгожданного наследника Хольстайн-Швайнвард-Хунхофа. Младенец, родившийся на два месяца раньше положенного срока, умер на следующий день, и, хотя князь Рудольф женился еще дважды и еженощно трудился, усердно пытаясь выполнить свой долг, желанных мальчиков так больше и не дождался. Остались только три юные леди: принцесса Стефани, принцесса Эмили и (четыре месяца назад князь вынужден был склониться перед неизбежностью) коронованная принцесса Луиза, официальная наследница престола Хольстайн-Швайнвард-Хунхоф.

А их мать, как призрак, все еще витала в этой комнате. Любимая сестра Олимпии, хотя он никогда бы в этом не признался. Его собственная дорогая Луиза, умная, красивая, полная очарования, влюбившаяся при дворе в князя Рудольфа тем нескончаемым летом 1854 года, когда в моду вошли германские императорские особы.

У Эмили, подумал Олимпия, глядя на юных принцесс, глаза Луизы.

– И? – спросила она, прищулив столь знакомые глаза.

Электрическая лампа мигнула, словно что-то помешало движению тока. На улице на проходящего мимо пьяницу или ночного мусорщика негромко гавкнул пес, и корги вскочил на ноги, а уши у него задрожали. Олимпия скрестил свои длинные ноги и положил правую руку на край стола, сжав пальцами полированное дубовое дерево.

– Боюсь, у меня нет ни малейших догадок о том, кто стал причиной гибели вашего отца и... – он перевел исполненный скорби взгляд на Луизу, сидевшую с потупленным взором, – ...твоего супруга, дражайшая моя Луиза. – Это была не совсем ложь, хотя и не совсем правда, но Олимпия давно утратил щепетильность в подобных вопросах. – Разумеется, подозревают, что убийца принадлежал к одной из партий, разъяренных тем, что Луизу объявили законной наследницей, и ее последующим браком с... прошу прощения, моя дорогая, как звали несчастного, упокой Господь его душу?

– Петер, – прошептала Луиза.

– Ну конечно, Петер. Приношу глубочайшие извинения за то, что я не смог посетить погребальную церемонию. Мне показалось, что от моего отсутствия никто не пострадает.

– Кстати, многоярусную вазу вы прислали просто восхитительную, – заметила Стефани. – Мы пришли от нее в настоящий восторг.

– Я сделал это с радостью, – отозвался Олимпия. – Осмелюсь спросить, упаковано все надежно?

– Мисс Динглеби лично за этим проследила.

– Умница мисс Динглеби. Превосходно. Да, так убийцы. Я собирался сам за вами послать, но прежде, чем успел сделать необходимые приготовления, до меня дошел слух...

– Так быстро? – спросила Эмили, глядя на него умными глазами.

– Существует телеграф, моя дорогая. Как мне говорили, даже в княжестве Хольштайн-Швайнвард-Хунхоф, хотя в данном случае сообщение пришло ко мне от моего друга из Мюнхена.

– От какого друга? – подалась вперед Эмили.

Олимпия махнул рукой.

– О, просто старый знакомый. Во всяком случае, он изложил мне факты этого последнего происшествия и... и...

Луиза подняла глаза и свирепо спросила:

– Вы имеете в виду попытку меня похитить?

– Да, моя дорогая. Именно это. Я был счастлив услышать, что ты защищалась, как истинная дочь нашей крови, и сумела избежать пленения. Когда газеты сообщили, что вы трое исчезли вместе со своей гувернанткой, я понял, что бояться больше нечего. Мисс Динглеби знает, что делать.

– Она – настоящая героиня, – сказала Луиза.

Олимпия улыбнулся.

– Я несколько не сомневаюсь.

– Ну ладно, – вмешалась Стефани. – А когда мы начнем? Завтра утром? Потому что сначала мне бы хотелось нормально хотя бы ночь поспать, после всей этой суматохи. Заодно заявляю, что больше никогда даже не взгляну на лакицу.

– Начнем? – Олимпия моргнул. – Начнем что?

Стефани выпрыгнула из кресла и начала расхаживать по комнате.

– Ну как же, разумеется, расследовать это дело! Выяснить, кто за этим стоит. Я буду более чем счастлива побыть наживкой, хотя мне кажется, что они больше охотятся за Луизой, да поможет им Бог.

– Дорогая моя, будь добра, сядь. У меня от тебя голова закружилась. – Олимпия прикрыл глаза рукой. – Расследовать? Побыть наживкой?! Совершенно исключено. Мне и в страшном сне не приснится – так рисковать своими дорогими племянницами.

– Но что-то же надо делать! – воскликнула Эмили, тоже вскочив.

– Конечно, и что-то будет сделано. Министерство иностранных дел очень обеспокоено случившимся. Нестабильность в регионе чревата непредсказуемыми последствиями. Завещаю вас, они проведут самое тщательное расследование. А пока вам придется скрываться.

– Скрываться? – спросила Эмили.

– Скрываться! – Стефани резко остановилась и повернулась к нему с разъяренным лицом. – Принцессы Хольштайн-Швайнвард-Хунхофа не скрываются!

Олимпия оттолкнулся от стола и сцепил за спиной руки.

– Разумеется, нет никакого смысла скрываться обычным образом. Как мне говорили, эти континентальные агенты неестественно пронырливы, разыскивая свою цель. Просто отослать вас в какую-нибудь отдаленную деревню недостаточно. Ваши фотографии уже напечатаны во всех газетах.

Стефани всплеснула руками.

– Маскировка! Ну конечно же! Вы собираетесь замаскировать нас! Я буду молочницей. Один раз я доила корову, на летнем празднике в Швайнварде. Произвела на всех огромное впечатление. Молочник сказал, что у меня природная тяга к вымени.

– Чушь. Молочница! Ну и мысль. Нет, мои дорогие. У меня на уме нечто куда более коварное, более изощренное. Более, если вы простите мне это слово... – короткая пауза для вящего эффекта, – ...авантюрное.

Луиза резко втянула в себя воздух.

– О дядя. Что вы задумали?

– Признаюсь, идею я почерпнул у вас. Помните, много-много лет назад я приезжал навестить вашу... эээ... вашу очаровательную отчизну? Тебе тогда только исполнилось пятнадцать, Луиза.

– Я помню. – От дурных предчувствий голос ее звучал мрачно.

– Вы сыграли для меня спектакль. «Гамлета», насколько я припоминаю. Как раз та самая меланхолическая чушь, что так нравится пятнадцатилетним девушкам. – Олимпия подошел к книжной полке, пристроил локоть около первого тома и посмотрел на племянниц любящим взглядом.

– Да, «Гамлета», – настороженно произнесла Луиза.

– Я вспомнила! – воскликнула Стефани. – Я играла Клавдия и принца норвежского, что в конце оказалось очень неудобно, а Эмили, разумеется, играла Полония...

Олимпия улыбнулся еще шире.

– А Луиза была Гамлетом. Верно, дорогая моя?

Часы на каминной полке нежно пробили три раза. Корги вскочил, пробежал кружок, второй и тревожно улегся у ног Стефани, то и дело подергивая ушами в сторону Олимпии.

– О нет, – сказала Луиза. – Это исключено. Невозможно, уж не говоря о том, что это просто неприлично.

Стефани хлопнула в ладоши.

– О дядя! Какая восхитительная идея! Я всегда мечтала походить в брюках, это такая свобода! Только вообразить! Вы абсолютный гений!

– Мы не будем, – отказалась Луиза. – Только представьте себе скандал! И... и унижение! Вы должны придумать что-нибудь другое.

– Ой, успокойся, Луиза! Ты позоришь своих предков-варваров...

– Надеюсь! По крайней мере у меня есть хоть какие-то понятия...

– Право же, леди...

– ...покоривших степи России и памятники Рима...

– ...о том, каков мой долг по отношению к памяти моего несчастного супруга, и брюки в него не входят...

– Мои дорогие девочки...

– ...чтобы добиться богатства и власти, превративших нас в мишени для наемных убийц...

– ТИХО! – вскричал Олимпия.

Луиза замолчала, уставив в пустоту вытянутый палец. Стефани с мятежным выражением лица нагнулась и подхватила на руки дрожащего корги.

Олимпия возвел глаза к потолку, ища сочувствия в позолоченной лепнине. Ему казалось, что голова, не привыкшая к столь позднему бодрствованию, вот-вот свалится с плеч и покатится по испорченному корги аксминстерскому ковру.

Право же, он бы это только приветствовал.

– Ну что ж, прекрасно, – произнес он наконец. – Луиза отвергает мое предложение, Стефани его горячо приветствует. Эмили, дорогая моя? Полагаю, именно тебе придется подать решающий голос.

Стефани тоже закатила глаза, фыркнула и плюхнулась в кресло, прижимая к груди корги.

– Ну, значит, на этом все. Эмили ни за что не согласится.

– Я потрясена, дядя. Чтобы человек вашего положения мог даже просто подумать о подобном постыдном намерении? – Луиза с удовлетворением разгладила юбку.

Олимпия предостерегающе поднял руку и посмотрел на Эмили. Она сидела, выпрямив спину и переплетя пальцы. Голову она склонила набок, рассматривая какой-то далекий предмет глазами, в точности похожими на материнские.

– Ну, дорогая моя? – мягко произнес Олимпия.

Эмили постучала длинным пальцем по подбородку.

– Нам, конечно, придется обрезать волосы, – сказала она. – Луизе и Стефани замаскироваться будет проще, у них кость широкая, а вот я буду вынуждена носить бороду или хотя бы бакенбарды. К счастью, мы не относимся к дамам с большой грудью.

– Эмили! – потрясенно воскликнула Луиза.

– Эмили, голубка! – вскричала Стефани. – Я знала, что в тебе это есть!

Олимпия с откровенным облегчением хлопнул в ладоши.

– Решено! Вопрос улажен. Утром обсудим подробности. Куда делся чай? Должно быть, я приказал отнести его в ваши комнаты. – Он повернулся и нажал кнопку на столе: электрический звонок, проведенный тут всего месяц назад. – Ормсби вас проводит. Ну, вперед!

– Дядя! Вы не можете сейчас отправиться в постель!

Олимпия зевнул, потуже завязал пояс на халате и направился к двери.

– Однако именно туда я и отправляюсь. Просто изнемогаю от усталости. – Он помахал рукой. – Ормсби сейчас явится.

– Дядя! – с отчаянием воскликнула Луиза. – Вы не можете говорить все это серьезно!

Олимпия приостановился, взявшись за дверную ручку, и обернулся.

– Да бросьте, девочки мои, – сказал он. – Вам дадут соответствующие инструкции, вы разместитесь в респектабельных домах. Я свидетель, что вы все – актрисы выдающегося таланта. Кроме того, вы обладаете достоинствами и изобретательностью одной из самых аристократических семей. Помимо всего прочего, вам предоставляется моя неограниченная поддержка.

Он открыл дверь, широко развел руками и улыбнулся.

– Ну что может пойти не так?

Однако герцог Олимпия не пошел прямо в свою комнату. Он зашагал в противоположном направлении, по коридору в сторону лестницы для прислуги, находившейся в самой

дальней части дома. У него за спиной постепенно затихали женские возгласы, полные негодования и возбуждения, и наконец стало совсем тихо.

Мисс Динглеби дожидалась его в нише рядом с буфетом, где хранилось серебро. Когда он приблизился, она издала неясный звук и вышла на свет.

– А! Вот ты где, моя дорогая, – сказал Олимпия, посмотрел на нее с высоты своего немалого роста и нежно положил ладонь ей на щеку. – Пойдем-ка в постель, и ты расскажешь мне все от начала до конца.

Глава 1

Декабрь 1888 года

*Обветшавшая гостиница в Йоркшире
(разумеется)*

Потасовка в пивной началась около полуночи, как это обычно и бывает.

Не то чтобы у Эмили имелся богатый опыт драк в пивной. Раза два ей доводилось краем глаза видеть какую-то странную суматоху на деревенской площади в Швайнвальде (Швайнвальд по праву считался самой буйной из трех провинций Хольштайн-Швайнвальд-Хунхофа, возможно, потому, что находился ближе всех к Италии), но гувернантка или какой-нибудь другой взрослый всегда торопливо уводили ее оттуда до того, как брызнет кровь.

Поэтому она с интересом следила, как разворачивается драка. Началась она как естественный результат игры в мокрые от эля карты. Эмили заметила игроков сразу же, едва уселась, преувеличенно покачиваясь, уперлась локтями в стол, потрогала бакенбарды, кожа под которыми мучительно чесалась, и, стараясь говорить как можно более низким голосом, потребовала бутылку кларета и вареного цыпленка. Они играли за столом в центре комнаты, ссутулившись и склонив головы так, словно боялись, как бы на них не обрушился ненадежный пожелтевший потолок, – трое или четверо широкоплечих мужчин в рабочих рубашках и домотканых куртках, небрежно брошенных на спинки стульев, и один юнец, еще совсем мальчишка.

Должно быть, ставки были высоки, потому что играли они напряженно. Напряжение буквально висело во влажном, пропитанном дымом воздухе. Один из мужчин, с усами, плавно перетекающими в густые бакенбарды, поерзал на стуле и внезапно испустил газы – так долго, так роскошно неторопливо, словно механический двигатель со своим ядовитым резонансом, что самый воздух благоговейно задрожал. Сидевшие за соседним столом посмотрели в его сторону, восхищенно подняв брови.

Но сотоварищи были настолько заняты игрой, что даже не поздравили его.

В эту минуту Эмили извлекла томик Августина на латинском языке и демонстративно погрузилась в чтение. Как она сегодня обнаружила, пока ехала из Лондона, путешественники предпочитают избегать одиноких читателей и не стремятся вовлечь их в разговор, в особенности если в названии книги встречаются слова на иностранном языке. А меньше всего Эмили требовался любопытный попутчик – из тех, кто задает слишком много нахальных вопросов и замечает каждое твое движение. Святой Августин оказался надежным щитом, и за это она была ему благодарна. Но сейчас, поздно ночью, во время мучительного завершения долгой поездки в глубь Йоркшира, этого богом забытого дикого края с завывающими ветрами и замерзшими болотами, она не могла сосредоточиться, то и дело поглядывая поверх книги на соседний стол.

Все дело в мальчике, решила Эмили. Как и она сама, он казался неуместным в этой грязной и ветхой гостинице, словно, как и она, предпочел ее заведениям более высокого класса, чтобы избежать своего обычного окружения. Он сидел наискосок от Эмили, повернувшись к ней левым боком, освещенный ревущим в очаге огнем. Ему было не больше шестнадцати, а может, и того меньше. На бледном лице – веснушки самых разных размеров, плечи болезненно тощие, на них падает густая копна соломенных волос. Он единственный не снял куртку, и она свисала с его костлявого тела, как с плохо набитого вороньего пугала, – темно-синяя, из шерсти хорошего качества. На носу его сидели круглые очки, из-под них он с напряженной сосредоточенностью всматривался в свои карты.

Эта его сосредоточенность понравилась Эмили, веснушки и длинные пальцы тоже. Он напомнил ей себя саму в этом возрасте: сплошь неуклюжие конечности и целеустремленность. Она невольно поправила свои очки, подтолкнув их повыше, и улыбнулась.

Мальчик определенно выигрывал.

Даже если бы столбики монет рядом с ним не превращались постепенно в горки, Эмили не смогла бы ошибиться, слишком уж хмурились остальные игроки за столом, ерзали на стульях, чересчур резко бросали свои ставки в центр стола. Только что началась очередная партия, и раздающий с молниеносной скоростью раскидывал карты, не желая терять даром ни единой секунды игры. На каждом лице застыло выражение непримиримости; ни единый ус не дергался. Один из игроков поднял глаза и, наткнувшись на взгляд Эмили, посмотрел на нее с холодной враждебностью.

Она торопливо уткнулась в книжку. Тут появились вино и цыпленок, доставленные в древней оловянной посуде беспечной трактирщицей с чистыми красными, как яблоко, щеками и крепкими пальцами. Эмили отложила книгу и стала наливать вино. Рука ее слегка тряслась; холод во взгляде того игрока, словно кулак, поселился где-то в груди.

Эмили постаралась сосредоточиться на струйке вина, льющейся в стакан, на прохладной гладкости бутылки под пальцами. Стакан был заляпан – похоже, ему довелось увидеть слишком много чужих пальцев и слишком мало мыла. Эмили все равно поднесла его к губам, крепко прижав все пальцы к ромбовидному рисунку, и сделала большой, мужской глоток.

И едва не выплюнула все обратно.

Вино оказалось ужасным, крепким и разбавленным одновременно, со слабым привкусом скипидара. Эмили в жизни своей не пробовала ничего настолько отвратительного, с ним не мог сравниться даже холодный пирог с сердцем вепря, который ей пришлось съесть два года назад в Хунхоф-Бадене, куда ее пригласили как почетную гостью на осенний праздник изобилия. Только чувство долга помогло ей выдержать то испытание. Жуй и глотай, постоянно учила ее мисс Динглеби. Принцессы не давятся. Принцессы жуют и глотают. Принцессы не жалуются.

Казалось, что вино натурально кипит у нее во рту. Разве такое возможно? Эмили задержала дыхание, собралась с силами и проглотила.

Оно обожгло ей горло, на глазах выступили слезы, ноздри раздулись. Атмосфера комнаты – пылающий огонь, не меньше двадцати потеющих мужчин – обрушилась на нее с такой силой, что на лбу едва не заблестели капельки пота. Да только принцессы не потеют, даже принцессы в изгнании, переодетые в мужчин. Эмили уставилась в потолок, изучая деревянную балку, угрожавшую рухнуть ей на голову, – пусть сила тяжести сама выполняет свою работу.

Желудок свело спазмом, отпустило, затем он вспучился и, наконец, с предостерегающим ворчанием успокоился. В ушах что-то жужжало.

Эмили онемевшими пальцами взяла нож и вилку и отпилила от цыпленка ножку.

Постепенно она снова начала воспринимать звуки и чувствовать запахи. Справа среди карточных игроков усиливалось недовольное ворчание.

– Разве только я в состоянии проникать взглядом сквозь карточную рубашку, – говорил мальчик; голос его рискованно метался между первой и второй октавами. – А иначе ваши обвинения беспочвенны, сэр. Вынужден просить вас взять свои слова обратно.

Один из игроков вскочил с места, опрокинув стул.

– Черта с два, мухлевщик ты и петух паршивый!

– Вы ошибаетесь в обоих случаях. Я человек честный и не отношусь к практикующим содомитам, – с противоестественным хладнокровием ответил мальчик.

Вскочивший протянул руку и опрокинул столбик монет справа от мальчика.

– А я говорю, что не ошибаюсь! – взревел он.

Во всяком случае, так предположила Эмили. Сами слова потонули в крахе человечности, последовавшем за грохотом упавших на пол монет.

Эмили, едва успевшая поднести ко рту цыплячью ногу (с определенным удовольствием – ей в жизни не удавалось съесть хотя бы капельку чего-нибудь, не пользуясь столовыми приборами), чуть не рухнула со стула, увлеченная потоком воздуха, – кто-то долговзый метнулся со своего места у очага и ворвался в сплетение машущих конечностей.

– О, поцелуй меня в зад! – закричала трактирщица, стоявшая футях в трех. – Нед! Неси ведро!

– Что-что? – спросила Эмили, встав со своего стула и в ужасе наблюдая за происходящим. Из клубка тел вылетела монета и глухо ударила ее в лоб.

– Я подниму. – Трактирщица наклонилась и подобрала монету.

– Мадам, я... о боже милостивый! – Эмили едва успела увернуться от летящей в ее сторону бутылки. Та упала в очаг и с грохотом разбилась. Во все стороны полетели осколки и искры, сильно завоняло скипидаром.

Эмили взглянула на свое вино и цыпленка. Затем посмотрела на потрепанный кожаный саквояж, набитый непривычным грузом, – мужской одеждой и накладными бакенбардами. Сердце в груди тревожно колотилось.

– Простите, мадам, – обратилась она к трактирщице и снова пригнулась, уворачиваясь от летящей в ее сторону оловянной кружки, – как вы думаете...

– Нед! Неси скорее это чертово ведро! – завопила трактирщица. Едва слова сорвались с ее уст, как сзади подбежал толстоплечий мужчина с сальным, вспотевшим лицом. В обеих руках он держал по ведру. – Давно пора, – сказала трактирщица, выхватила у него ведро и выплеснула содержимое в кучу малу.

На мгновение сцена словно замерла, напоминая картинку, – застыли на полдороге сжатые кулаки, с которых капает вода, губы злобно кривятся, зубы оскалены. Затем чья-то глотка извергла очередное грязное ругательство, и кулаки вонзились в плоть. Кто-то ревел, как раненый лев, но послышался удар, звук бьющегося стекла, и дикий рев резко оборвался.

– Вам бы лучше бежать отсюда, юный сэр, – оглянувшись, посоветовала трактирщица и выплеснула в гущу схватки второе ведро.

– Точно, – сказала Эмили, схватила саквояж и, спотыкаясь, попятилась. Она уже заняла комнату наверху, хотя не знала точно, где ее искать; зато точно знала, что тут есть второй этаж, убежище, где можно укрыться от драки, которая, похоже, не только не ослабевала, но, наоборот, усиливалась. Из соседнего зала прибежали еще двое – глаза дикие, с губ срывается слюна, и с энтузиазмом ввязались в потасовку.

Эмили сделала еще шаг назад, кинув последний тоскливый взгляд на цыпленка. Она едва успела откусить от него, а ведь это первая ее трапеза после поспешного ленча (сэндвич с сыром и чашка слабого чая) в привокзальном кафе в Дерби, где она дожидалась очередного поезда в своем намеренно бессистемном маршруте. Ей даже в голову не пришло захватить с собой какой-нибудь еды. Что делают принцессы? Еда просто появляется перед ними через определенные промежутки времени, даже во время бегства с континента. Ее приносит тот или другой преданный слуга. (Особенно ловко добывал еду Ганс.) А этот цыпленок, жалкий и жесткий, бледный, покрытый застывшим жиром, был до самого утра ее единственной возможностью подкрепиться. Оторванная ножка лежала на краю тарелки, причиняя Эмили невыразимые муки.

Где-то в глубине сознания мисс Динглеби говорила что-то строгое, что-то насчет достоинства, этикета и внешних приличий, но сосущее чувство голода победило интеллект. Эмили поднырнула под летящую вилку, вытянула изящную белую руку, схватила куриную ножку и сунула ее в карман.

Затем резко повернулась и замешкалась на какую-то долю секунды.

– Я тебя достал, чертов маленький су... – заорал кто-то из дерущихся, но крик тут же оборвался под энергичный всплеск воды.

Эмили повернулась обратно, поставила саквояж и начала выкручивать у цыпленка вторую ножку. Кожа скользила под рукой, Эмили схватила нож и отпилила косточку.

На тарелку плюхнулась полукрона, в лужу застывшего жира прямо рядом с куриной ножкой.

– Ой! – завопил кто-то.

Эмили подняла глаза. К ней, вытянув руки, бежал какой-то мужчина, из носа у него хлестала кровь. Эмили схватила ножку, бросила монету и отскочила за стул.

– Что это у тебя тут? О!

На плечо опустилась тяжелая рука, рывком повернув Эмили. Она с трудом удержалась, чтобы не ахнуть от отвращения, – у него изо рта воняло какой-то гнилью, а выкатившиеся глаза дико сверкали. В левой руке девушка по-прежнему сжимала куриную ножку, в правой – нож.

– Отойдите! – рявкнула она.

Мужлан запрокинул голову и захохотал.

– Он живой! Чертов маленький пискун. Да я...

Эмили сунула ножку в карман и выставила вперед нож.

– Я сказал – отойдите!

– О, да у него еще и ножик есть, а? – Мужлан снова расхохотался. – Что у тебя в кармане, малец?

– Ничего.

Он поднял похожий на окорок кулак и выбил ножик у нее из руки.

– Я спросил, что у тебя в кармане, приятель!

Пальцы Эмили онемели. Она глянула поверх плеча мужлана.

– Берегитесь!

Тот круто повернулся. Эмили метнулась вперед, подняла ножик и изо всех сил толкнула мужлана в широченные отвисшие ягодицы. Громко охнув, тот качнулся вперед и ухватился за спинку стула, тут же развалившуюся на куски. Мужлан неистово замахал руками, как ветряная мельница, пьяно пошатнулся, рухнул на грязные опилки, дернулся разок и затих.

– О, отличная работа!

Мальчик выскочил непонятно откуда и стоял теперь, отряхивая рукава и ухмыляясь. Подтолкнув очки повыше, он внимательно посмотрел на тарелку с лишенным ножек цыпленком.

– Кажется, это мое, – сказал он, выудив оттуда полукрону и подбросив ее в воздух.

– Что-что? – беспомощно переспросила Эмили.

– Фредди, чертов ты дурак! – А это трактирщица. Стоит, подбоченясь, из-под чепца выбиваются мокрые прядки волос.

– Прости, Роза, – сказал мальчик, с улыбкой поворачиваясь к ней.

«Роза?» – подумала Эмили, глядя на широкоплечую трактирщицу.

– Следи за тем, что говоришь, Фредди, – покачала головой Роза. Из толпы дерущихся, напоминающих кучу сплетенных друг с другом извивающихся змей, раздался еще один крик. Кто-то помчался в их сторону, расстегнутая рубашка развевалась на ходу. Роза взяла со столика Эмили полупустую бутылку вина и небрежно метнула ее в голову бегущего. Тот застонал и упал, не сделав больше ни шагу. – Я тебе сто раз говорила!

– Знаю, Роза, прости. – Юный Фредди сокрушенно смотрел на свои ботинки.

– Тебе лучше бежать отсюда, Фредди, пока не явился твой отец. И заberi с собой этого несчастного птенчика. Он не создан для драк.

Фредди повернулся к Эмили и улыбнулся.

– Думаю, ты его недооцениваешь, Роза. Сила духа у него что надо.

– Нет у меня никакой силы духа, – пискнула Эмили, глубоко вздохнула и постаралась говорить более низким голосом: – В смысле, я бы с радостью отсюда ушел. Чем скорее... – она пригнулась как раз вовремя, чтобы увернуться от летящей в нее тарелки, – секундой позже та свирепо ударилась о стену, – тем лучше, честное слово.

– Ну хорошо. Только не забудьте свой саквояж. – Фредди поднял саквояж и протянул его Эмили, все еще улыбаясь. Право же, он был очень привлекательным юношей, несмотря на веснушки, – долговязый, с неуклюжими руками и ногами, похожий на подростка щенка. А глаза за стеклами очков были ярко-голубые, большие и дружелюбные.

– Спасибо, – прошептала Эмили и взяла саквояж испачканными в жире руками.

– Комната у вас есть? – спросил Фредди, уворачиваясь от очередного кулака.

– Да, наверху. Я... ой, берегитесь!

Фредди резко повернулся, но опоздал – в него врезалось тяжелое плечо.

– Джек, пьяный ты ублюдок! – завизжала Роза.

Фредди качнулся назад, ударившись о грудь Эмили. Она отчаянно замахала руками и рухнула на пол. Фредди приземлился сверху, вышибив из нее дух. Нож вылетел из ее руки и покатился по полу.

– Поделом тебе, сукин ты сын, – прорычал нападавший. Это тот самый, первый, затуманенным сознанием подумала Эмили, тот, что опрокинул столбик монет. Огромный и пьяный, с красными глазами. Он наклонился, сгреб Фредди за воротник и занес кулак.

– Нет! – закричала Эмили. Фредди перестал давить своим весом ей на грудь. Она, извиваясь, попыталась полностью выбраться из-под него, но Фредди дергался, стараясь высвободиться из хватки мужлана. Эмили вцепилась в здоровенный согнутый локоть и чуть-чуть подтянулась – достаточно для того, чтобы суметь немного наклонить голову и впиться зубами в толстую подушечку большого пальца нападавшего.

– Ой! – взревел тот, отдернул руку (Фредди рухнул на пол и откатился в сторону) и схватил за воротник Эмили.

Она вцепилась ему в запястье, но оно было мощным и куда менее чувствительным. Он поднес кулак к ее уху, прищурился. Эмили пыталась поднять коленку, согнуть ногу, сделать хоть что-нибудь, но тщетно. И тогда она зажмурилась, ожидая сокрушительного удара, вспышки боли, черноты и звезд перед глазами, и что там еще бывает.

Как, дьявол все побори, с ней приключилось подобное? Такие побоища происходят только в газетах! Только на мужчин замахиваются мясистыми кулаками, только они ждут убийственного удара в челюсть. Только мужчины...

Хотя... она же сейчас мужчина, так?

Сделав последнее могучее усилие, она вытянула руку, попыталась нащарить ножик и задела кончиками пальцев что-то твердое, круглое и скользкое. Она схватила это, высоко подняла и...

– Ууууух! – выдохнул мужлан.

Его вес куда-то исчез. Воротник больше никто не держал.

Эмили, моргая, откинулась на спину и уставилась в пространство перед собой. Точнее, на собственную руку, крепко сжимавшую куриную ножку.

Эмили с трудом села. Голова кружилась. Перед ней мельтешили двое – тот, что на нее напал, и еще кто-то, куда выше и шире в плечах. Он удерживал ее обидчика одной невозможной огромной рукой. Эмили ожидала, что сейчас этот кулак сокрушит челюсть обидчика, но этого не случилось. Незнакомец поднял правую руку и вонзил локоть в место, где соединялись шея и плечо его противника.

– Ой? – неуверенно пискнул тот и обмяк, мешком рухнув на пол.

– Ой, ради бога, – произнес Фредди. Он стоял рядом с Эмили, протягивая ей руку. – Это что, было так необходимо?

Эмили уцепилась за Фредди, пошатываясь, поднялась на ноги и посмотрела на своего спасителя, собираясь униженно поблагодарить его.

Но дыхание в груди просто остановилось.

Он заполнял все пространство перед ней. Если бы Эмили потянулась вверх, она могла бы лбом достать до массивного плеча. Он стоял совершенно неподвижно, безо всякого выражения глядя на обмякшего на полу мужлана. Перед ее взором плясал его профиль, освещенный пылающим в очаге огнем, профиль настолько безупречный, что слезы обожгли ей глаза. Он был гладко выбрит, как римский бог, челюсть словно высечена из камня, а скула образовывала покрытый тенью угол. Губы полные, лоб высокий и гладкий. Коротко постриженные светлые волосы завивались над ухом.

– Да, – сказал он, и это единственное слово глубоко пророкотало в его широкой груди. – Да, дорогой мой мальчик. Полагаю, это было необходимо.

Дорогой мальчик?

Эмили моргнула и отряхнула рукава. Заметила в руке куриную ножку и поспешно сунула ее в карман.

– Я бы сам его достал, – обидчиво произнес Фредди. Спаситель наконец повернулся.

– Видишь ли, я решил не оставлять это на волю случая.

Но Эмили не услышала сказанного. Она стояла, потрясенно глядя на лицо перед собой.

Его лицо, лицо ее героя, такое безупречное в профиль, с правой стороны оказалось покрыто множеством шрамов, стянутая кожа вся в каких-то пятнах, вдоль челюсти тянулся провал, а глаз был закрыт навеки.

Откуда-то из-за спины послышался голос Розы, высокий и умоляющий:

– Ваша светлость, простите. Я говорила ему, сэр...

– Ваша светлость? – выдохнула Эмили. Забрезжило понимание, смешанное с ужасом.

Фредди протянул Эмили ее саквояж и уныло сказал:

– Его светлость. Боюсь, это и есть его светлость, герцог Эшленд. – И после долгого покорного вздоха добавил: – Мой отец.

Глава 2

Карета с грохотом катила по темной дороге. Каждый толчок эхом отдавался в тишине экипажа, но его тут же поглощали старые бархатные занавески и подушки с вышитыми на них золотыми гербами.

Эмили дышала коротко и поверхностно, боясь потревожить и без того тяжелую атмосферу. Сколько лет эта карета простояла в конюшнях герцога? Наверное, ее выкатывали наружу раз в месяц или около того, полировали и снова закатывали обратно? Эмили пыталась придумать хоть какую-нибудь тему для разговора. Ее обучали непринужденно нарушать затянувшееся молчание, она умела поддерживать любую беседу во время неизбежных государственных обедов и семейных визитов, но сейчас не могла произнести ни единого слова.

Юный Фредди сидел рядом с ней. Точнее, полулежал на сиденье и дремал, уткнувшись в заплесневелый бархат. Фредди, по титулу учтивости – маркиз Сильверстоун, как выяснилось. Напротив них сидел герцог, неподвижный, массивный, чуть наклонив голову, чтобы не удариться о крышу кареты. Он, не шевелясь, смотрел сквозь щель в занавесках на продуваемые всеми ветрами болота. Эмили едва различала его в темноте, но знала, что голова герцога повернута вправо, что он прячет в тени поврежденную половину лица, скрывая шрамы от ее глаз. Она скорее ощущала, чем видела, как подымается и опускается при дыхании его грудь, и этот ритм гипнотизировал ее. О чем он думает, сидя тут со своим ровным дыханием и ровным сердцебиением, пока ветер лупит в стенки кареты?

Герцог Олимпия чуть-чуть рассказал ей о нем. Он живет далеко в Йоркшире, в фамильном особняке Эшлендов, и крайне редко его покидает. До того как принять титул, он служил солдатом, будучи младшим сыном и не рассчитывая на наследство, и сражался где-то в Индии или рядом с ней. (Эмили легко поверила в это – по коже побежали мурашки, стоило ей вспомнить, как локоть герцога уверенно вонзился в шею того пьяницы.) Его единственному ребенку, Фредерику, почти шестнадцать, он в высшей степени умен и уже готовится к вступительным экзаменам в Оксфорд; прежний наставник ушел от него несколько месяцев назад, почему им и потребовался новый, причем безотлагательно.

О жене не упоминалось.

Эмили открыла рот, чтобы сказать что-нибудь – хоть что-то! – но герцог ее опередил.

– Ну, мистер Гримсби, – произнес он, не поворачивая головы, но достаточно громко, чтобы своим исключительно низким голосом перекрыть вой ветра, – право же, это очень счастливое стечение обстоятельств. Еще мгновение, и мне бы пришлось подыскивать Фредерику другого учителя.

Эмили откашлялась и сосредоточилась на том, чтобы говорить спокойно:

– Еще раз благодарю вас, ваша светлость. Заверяю вас, у меня отнюдь нет привычки ввязываться в драки в тавернах. Я...

Эшленд махнул рукой, всколыхнув воздух.

– Разумеется, я и не сомневаюсь. У вас безупречные рекомендации. Кроме того, в подобных вопросах я доверяю суждению Олимпии более, чем собственному.

– И все же мне хотелось бы объясниться.

Наконец-то он повернулся, точнее, Эмили так показалось. Она уловила какое-то движение, увидела, как лунный свет блеснул на белокурых волосах, и, покраснев, отвернулась сама.

– Нет никакой необходимости объясняться, мистер Гримсби. В конце концов вы спасли этого юного шалопая, моего сына. Осмелюсь заметить, вы всего лишь оказались не в том месте не в то время.

– Именно так, сэр. Что до самой гостиницы...

Воздух снова всколыхнулся.

– Разумеется, мне следовало послать экипаж прямо на железнодорожную станцию. Не понимаю, почему никто об этом не подумал. Полагаю, причина в том, что дворецкий мой уже стар и не привык к посетителям. Да и я тоже.

Ветер пронзительно завыл, карета сильно подскочила. Эмили хотела схватиться за ремень, но не успела, и они с Фредди одновременно полетели на противоположное сиденье.

Вот она летит по воздуху, а в следующий миг с грохотом падает на правое плечо Эшленда, а голова Фредди врежется ей в спину.

Эшленд вздрогнул от толчка, а его железные руки, удерживая, обхватили их обоих.

– О! Прошу прощения! – Эмили торопливо ощупала свои очки и бакенбарды. Фредди медленно выпутывался, что-то бормоча и пытаясь разыскать свои очки, которые, похоже, слетели с его носа и упали на сиденье.

– Вам вовсе ни к чему извиняться. – Герцог говорил все тем же дружелюбным тоном, но Эмили ощутила исходящую от него эмоцию – то ли отвращение, то ли нетерпение, а когда попыталась выпрямиться, почувствовала, что он словно съеживается, стараясь оказаться как можно дальше от нее. Что самые его кости в момент соприкосновения содрогнулись в агонии.

Неужели она так сильно его ударила? Сама она никакой боли не почувствовала, обыкновенный толчок, не заслуживающий даже синяка.

– Вы не ушиблись? – спросил он и, не дожидаясь ответа, широко расставил руки, отпуская их обоих, скорее даже отталкивая от себя.

– Нет, нет. Все хорошо. – Эмили оттолкнула Фредди и села на свое место. Лицо ее на холодном воздухе пылало. Смущение. Да, именно оно. Разумеется, герцог смутился. Это совершенно естественно, она тоже. Они чужие друг другу. Просто неловкое положение.

– Говорите за себя, Гримсби, – буркнул Фредди. – Куда, черт побери, делись мои очки?

– Вот они, – из темноты ответил Эшленд.

– О, отлично! – Фредди плюхнулся на сиденье, которое как раз подскочило ему навстречу. – Похоже, мы уже подъезжаем?

– Почти приехали. – Повисла пауза. Эшленд переместил свое крупное тело чуть в сторону. – Отложим нашу беседу на завтрашнее утро, мистер Гримсби, если вам удобно. Полагаю, вы захотите отправиться в свою комнату прямо сейчас.

– Да, ваша светлость.

Карета замедлила ход и резко накренилась, но на этот раз Эмили успела схватиться за ремень.

– Думаю, к вашему приезду уже все подготовлено. Разумеется, если вам потребуется что-нибудь еще, сообщите дворецкому.

– Да, конечно. Благодарю вас, сэр.

Фредди кашлянул.

– Вам придется проявить куда большую силу духа, Гримсби, если вы надеетесь пережить здешнюю зиму. Когда ветер начинает сбивать с ног, все предстает в весьма мрачном свете.

От порыва ветра задрезжали окна кареты.

– Разве он уже не сбивает с ног? – решила спросить Эмили.

– Это? – Фредди безжалостно рассмеялся и постучал по стеклу костяшками пальцев. – Это всего лишь нежный ветерок. Зефир.

– О. Понятно.

Фредди снова засмеялся.

– Вы теперь в Йоркшире, Гримсби. Оставьте надежду. Будь я на вашем месте, то уже начал бы считать дни до своего первого выходного, а там купил бы билет на первый же экспресс до Лондона. Мы же будем иногда давать ему выходные, отец?

Эшленд не шелохнулся.

– Если твои успехи окажутся удовлетворительными, конечно.

– Тогда ради вас я буду стараться изо всех сил, Гримсби. Это самое малое, что я могу вам предложить. И знаете, я чертовски умен. Не беспокойтесь.

– Я уверен, что вы очень умны, – убежденно произнесла Эмили. У нее не было никаких сомнений – юный лорд Сильверстоун развит не по годам.

Карета замедлила ход, дернулась и остановилась. Еще до того как колеса перестали вращаться, дверь распахнулась, и герцог выпрыгнул наружу, как подброшенный пружиной.

– И в этом весь отец, – безропотно произнес Фредди. – Терпеть не может замкнутые пространства. Вы первый, Гримсби. Как герой дня.

Из-за бегущих облаков выглянула полная луна. Она выбелила волосы Эшленда, повернувшегося и смотрящего на Эмили. Та храбро встретила его взгляд из-под полей шляпы, не решаясь опустить глаза на искаленную челюсть. Его единственный зрячий глаз окинул ее целиком. В лунном свете он мог быть любого оттенка, от светло-серого до ярко-голубого.

– Симпсон, это – мистер Гримсби, новый наставник Сильверстоуна. Проследите, чтобы он разместился удобно.

Эмили ощутила справа нечто огромное и темное, заслонившее ей ночное небо. Из тьмы возникла одинокая фигура, и краем глаза Эмили заметила, как светится белый воротничок.

– Да, ваша светлость, – произнес негромкий голос, чуть дребезжащий от старости. – Идемте со мной, мистер Гримсби.

– Я пошлю за вами утром, сразу после завтрака, и мы обсудим условия вашей работы здесь. – Внезапный порыв ветра отнес слова в сторону, но Эшленд не шевельнулся, ни на йоту не повысил голос. – А пока устраивайтесь в моем доме поудобнее.

– Спасибо, сэр. – Несмотря на ледяной ветер, щеки Эмили пылали.

– Иными словами, – вмешался Фредди, – вас отпускают на ночь, Гримсби. Будь я на вашем месте, уже помчался бы со всех ног. Собственно, я настолько гостеприимен, что, пожалуй, провожу вас сам. – Он взял Эмили за локоть.

– Фредерик. – Из уст герцога вырвалось только одно это имя.

Фредди остановился, не успев поставить ногу на землю.

– Да, отец?

– В мой кабинет, пожалуйста. Нам нужно кое-что обсудить.

Фредди отпустил локоть Эмили.

– Что именно, сэр?

– Фредерик, дорогой мой мальчик. Мы все сегодня вечером пережили много неприятностей. Мне кажется, кто-то должен за это ответить, а тебе? – Эшленд проговорил все это шелковым голосом, чуть повысив интонацию на последнем слове и превратив этим сказанное в вопрос, которого на самом деле не задавал. Эмили услышала негромкие хлопки, словно кто-то в нетерпении шлепал перчатками по ладони.

Она не решалась взглянуть на Фредди. Впрочем, она бы все равно его толком не разглядела, потому что луна снова скрылась за облаком. Но, несмотря на вой ветра, она услышала, как он сглотнул, и сердце ее сочувственно сжалось.

– Да, сэр, – покорно отозвался Фредди.

– На сегодня все, мистер Гримсби, – сказал герцог Эшленд.

Дворецкий отступил в сторону, гравий под его ногами многозначительно захрустел. Эмили повернулась и стала подниматься вверх по ступеням в сторону золотистого света, струившегося из холла. В Эшленд-Эбби.

Герцог Эшленд дождался, когда затихнут на лестнице шаги его сына, и позволил себе улыбнуться краешком губ.

Ну что ж, в конце концов вечер получился весьма занимательным. Нельзя отрицать, что время от времени ему необходимо слегка встряхнуться. В горле пророкотал смехок, стоило Эшленду вспомнить бедолагу мистера Гримсби – глаза расширены, бакенбарды трепещут, изящный кулачок ученого мужа притиснут к боку, а в другой руке воинственно торчит куриная ножка. Но характер у него есть. Гримсби подверг опасности себя, чтобы спасти Фредди, и больше Эшленду ничего о нем знать не нужно.

Он вышел из-за стола. На шкафчике у окна манил к себе поднос с одним пустым бокалом и тремя хрустальными графинами: с шерри, с бренди и с портвейном. В правой руке Эшленда, той самой, которой давно не существовало, запульсировало от вожделения.

Он мерными шагами пересек кабинет, взял левой рукой графин с шерри и наполнил бокал почти до краев. Единственный бокал спиртного каждый вечер – это все, что он себе позволял. Чуть больше, и он уже не сможет остановиться.

Первый глоток потек по горлу, приятно обжигая. Ноздри и губы трепетали, учуяв знакомый аромат и вкус – вкус облегчения. Эшленд закрыл глаза и впился пальцами в рифленные ромбы узора на бокале. Пусть шерри растечется по телу, наполнив все его пересохшие, ноющие трещины. Правая сторона лица расслаблялась, пульсация в отсутствующей руке ослабевала.

Как на него поначалу смотрел этот Гримсби. Эшленд почти забыл, какой эффект оказывает на непривычный глаз его изуродованное лицо. Сколько же это прошло времени с тех пор, как он встречался с совершенным незнакомцем, с человеком, не подготовленным заранее к этому уродству? Впрочем, Гримсби пришел в себя за долю секунды и держался вежливо. Отлично воспитан этот юноша. Возле кареты он не отводил глаза в сторону, не смотрел ни на землю, ни на свои руки, ни на поля шляпы Эшленда. Еще одно очко в пользу молодого человека. Очень может быть, что он подойдет. В конце концов всего каких-то несколько месяцев. Только несколько месяцев до экзаменов Фредди в Оксфорд, и Эшленду больше не придется заниматься поисками домашних учителей и привозить их в дом, в хорошо налаженную рутину с тем, чтобы через неделю-другую они паковали чемоданы и уезжали. Фредди уедет, потом, вероятно, на положенную неделю или две будет возвращаться на унылые болота, и на этом все закончится.

Герцог Эшленд наконец-то останется один. Никаких учителей; никакого Фредди с его распутным очарованием, в точности, как у его матери; никаких напоминаний о днях до отъезда в Индию простого немолодого лейтенанта, почтенного Энтони Расселла, оставившего дома красавицу жену, младенца сына и двух кузенов в полном здравии, стоящих между ним и герцогством.

Эшленд сделал еще глоток, на этот раз побольше, и отодвинул тяжелую бархатную штору. Окно выходило на север. При дневном свете вид бывает гнетущим сверх всякой меры; а сейчас там просто черно. Ветер дует непрестанно, все небо затянуло тучами, и луна больше не освещает ни траву, ни камни, ни те несколько потрепанных кустов, что когда-то образовывали некое подобие сада с этой стороны дома. В свой последний год Изабель одержимо трудилась над этим садом, нанимая уйму людей из деревни, чтобы придать ландшафту цивилизованный вид. Заказывала растения и статуи, устраивала навесы и ограждения против ветра, но все напрасно. Остались только статуи, как руины какого-то забытого римского города, да и те с отломанными конечностями, потому что ветер сбрасывал бедняг с пьедесталов.

Очень подходяще.

Еще глоток. Бокал почти опустел. Когда только успел? Остаток нужно растянуть подольше, делая крохотные глоточки.

Что бы Изабель подумала про юного Гримсби? Он бы ей понравился, решил Эшленд. Ей нравились молодые умные люди, а нет никаких сомнений, что Гримсби умен. Это видно по его большим глазам, спрятанным за очками. Что там писал Олимпия? Что не знает другого такого грамотея, сведущего в тонкостях латыни и греческого, как мистер Тобиас Гримсби, и математика у него тоже безупречна. Изабель, получившая хорошее образование благодаря взыскательной гувернантке, каждый день после чая приглашала бы Гримсби в гостиную. И с удовольствием поддразнивала бы его, выясняла бы его вкусы, мнение и семейную историю.

Изабель. Будь Изабель здесь, Эшленд уже поднимался бы вверх по лестнице в свою спальню. Нет, он уже переоделся бы в ночную рубашку и халат, отпустил бы лакея и вежливо постучался бы в дверь между их спальнями.

Эшленд наклонил бокал. Последние золотистые капли потекли в горло. Теперь голова его ласково кружилась на грани опьянения, ощутимой самым краем чувств. Это все, что он себе позволял, желая ослабить похоть, обуревавшую его каждый вечер в этот час, когда он собирался подняться вверх по лестнице и лечь в одинокую постель.

Тело Изабель, белое и округлое в пламени свечи. Плоть Изабель, вызывавшая к нему. Ее негромкие вздохи прямо ему в ухо, ее пальцы, впивающиеся в его спину, всеускоряющиеся движения. Стремление достичь пика, содрогания восторга, замедляющееся биение пульса после. Поцелуи Изабель на его плоти без шрамов, ее тело, прижимающееся к нему.

Эшленд опустил штору.

С преувеличенной точностью он поставил опустевший бокал на поднос и расправил пустую правую манжету.

Глава 3

Эмили очнулась от глубокого сна, услышав знакомый звук: грубое металлическое скрябанье совка для угля. Горничная разжигает камин в ее спальне.

Она открыла глаза, ожидая увидеть поношенные бархатные занавеси и необузданных единорогов на средневековых гобеленах, увидеть солнечный свет, пробивающийся сквозь щели в сапфирового цвета шторах, и свой секретер, заваленный книгами, бумагами и огрызками перьев. Эмили протянула руку, ожидая ощутить тепло спящей сестры.

Но рука нащупала только холодные простыни, а глазам предстали густая серая тьма и тени от незнакомой мебели.

Эмили рывком села.

– Сэр! – Возле камина что-то грохнуло, металл стукнулся о камень.

Сэр.

Эмили схватилась за щеки. На ночь она сняла бакенбарды, очень уж сильно под ними чесалось. Впрочем, на ней был длинный ночной шерстяной колпак и настоящая мужская ночная рубашка.

– Простите, – выдохнула она, надеясь, что горничная ее толком не рассмотрела, и натянула одеяло до самого носа.

– Я думала, вы еще спите, сэр, – сказала горничная, снова поворачиваясь к камину. Эмили видела только бледный силуэт в темноте, а корзинка с растопкой казалась не меньше горничной. Камин был совсем небольшим, что, разумеется, совершенно естественно, напомнила себе Эмили, – ведь она спит наверху, со слугами, а не в шикарных спальнях внизу.

Роскошные спальни, предназначенные для герцога, его семьи и почетных гостей: со стенными панелями, оклеенные обоями, с позолотой, украшенные шелками и картинами маслом, просторные, обставленные превосходной мебелью.

Эмили припоминала несколько деталей прошлой ночи, когда она готовилась ко сну, – у нее осталось общее впечатление чистоты, простой, но приятной комнаты, обставленной всего лишь несколькими необходимыми предметами мебели, с единственным окном, на котором висели полосатые занавески. Простыни под пальцами шерстяные, гладкие, без каких-либо украшений. Комфорт, но не роскошь.

– Вы знаете, сколько сейчас времени? – спросила Эмили у горничной.

– Ну как же, думаю, около шести, – ответила та, расправляясь. – Ну вот. Будет тепло и славно, вы и глазом не успеете моргнуть.

– Спасибо.

Горничная повернулась и крепко ухватилась за ручку корзинки.

– Вы бы поскорее поднимались, чтобы успеть на завтрак, сэр.

Завтрак? Сознание Эмили все еще туманилось от усталости. Пяти часов сна явно недостаточно, чтобы прийти в себя после драматических событий предыдущего дня. Завтрак? Желудок отозвался голодом, но она даже представить себе не могла, как спустить тяжелые ноги с кровати и влезть в рубашку, брюки и простой шерстяной жакет.

Горничная вышла, погромыхая корзинкой. Эмили упала на спину и стала рассматривать серый потолок. Рассвет за окном еще и не собирался начинаться. Ну хоть ветер ненадолго затих, убаюканный приближающимся восходом солнца.

Завтрак. Стало быть, герцог из жаворонков. А поскольку жаворонки с презрением смотрят на тех, кто не встает при первых криках петуха, пожалуй, стоит последовать совету горничной и начать шевелиться.

Полчаса спустя, застегнув брюки и тщательно приклеив бакенбарды, Эмили вышла в широкий коридор. Рассвет наконец-то просочился в окна – рассвет поразительной силы и

яркости, предвещающий настоящее солнце. Эмили рассеянно отметила классические размеры коридора, отполированный мрамор, изысканность лепнины. Очевидно, Эшленд-Эбби перестроили около столетия назад, решила она, и за немалые деньги. Еще ребенком Эмили гостила у Девонширов в Чатсуорте (ее мать в девичестве близко дружила с леди Фредерик Кавендиш) и сейчас, тут, ощущала отголоски того формального великолепия, тех масштабов и пропорций. Каждая картина в позолоченной раме висела на своем месте, все углы были идеально прямыми, каждая складка на драпировках уложена правильно, и ни одна пылинки не портила цвет.

Комната для завтраков, не сомневалась Эмили, должна быть расположена так, чтобы не упустить ни единого луча скудного солнечного света Йоркшира. Она покрутилась на месте, определила, куда падает свет, и повернула направо, в восточное крыло.

Она проходила сквозь одну дверь, сквозь другую, сквозь последовательность невозможно безукоризненных салонов, закончившихся огромным коридором с завешанными портретами стенами. Эмили остановилась, услышав звяканье фарфора и низкий звучный голос.

Эмили поправила воротник и шагнула в направлении звуков.

– Могу я помочь вам, сэр?

Эмили остановилась и повернулась. Перед ней стоял дворецкий – как там его зовут? Симпсон? – серьезный голос куда суровее, чем заданный вопрос, осанка до боли безупречна. Манишка настолько белая, что ее можно принять за гипсовую, а не за льняную.

Эмили выпрямила спину и вздернула подбородок.

– Я иду завтракать, благодарю вас. Позвольте пройти.

– Мистер Гримсби, – ледяным тоном произнес дворецкий, – полагаю, вам известно, что прислуга завтракает внизу, в столовой для слуг.

Прислуга.

Кровь отхлынула от лица Эмили, чтобы мгновением позже жаркой волной прихлынуть обратно. Кожа под бакенбардами невыносимо зачесалась. Глядя в бесстрастные темные глаза Симпсона, она изо всех сил старалась не дрогнуть, не выдать себя даже движением век.

– Разумеется, – произнесла она, когда в горле все успокоилось. – Возможно, вы сообщите мне, куда идти, мистер Симпсон, если вас не затруднит.

Он не шелохнулся.

– Обратно по коридору, мистер Гримсби, и направо. Лестницу для прислуги вы увидите в конце коридора.

– Благодарю, мистер Симпсон. Доброго вам утра.

Эмили повернулась и заставила ноги нести себя по гулкому коридору. Столовая для прислуги, разумеется. Эта великолепная архитектура, это звяканье бесценного фарфора больше для нее не предназначаются.

«Я обедала в Чатсуорте! – хотелось ей крикнуть через плечо. – Сидела за столом с монархами! Я – кузина чертовой царицы! Ладно, дальняя родственница, но все равно».

Но, конечно же, так намного лучше. Внизу она сумеет укрыться как следует. Что, если к Эшленду приедут знатные гости? Те, с кем она могла встречаться во время прежних посещений Великобритании? За столом герцога ее могут увидеть и заметить. Начнут задавать вопросы. Среди прислуги она будет невидимкой. Никто не замечает слуг.

А ведь цель именно в этом, верно? Скрыться.

Башмаки Эмили гулко клацали по мраморным плиткам. Она повернула направо и увидела лестницу в конце коридора, ведущую в неизвестный ей мир внизу.

Повернулись сразу двадцать голов, когда Эмили вошла в дверь столовой для прислуги. Разумеется, она к этому привыкла – когда принцесса Хольштайн-Швайнвард-Хунхофа входила в комнату, люди обычно замечали это.

Но на этот раз все по-другому. Эмили одета не в шелка и жемчуга, а в подбитое ватином черное сукно, и на лице у нее курчавые бакенбарды. Глаза, обращенные к ней, не светятся благоговением и восторгом, а полны оскорбительного и даже враждебного любопытства. Одно лицо Эмили узнала – утренняя горничная, с тощими щеками и широко распахнутыми глазами. Только она одна и улыбалась.

– О, доброе утро, сэр! Вы чуть не пропустили завтрак, а ведь я вас предупреждала.

– Прошу прощения, – сказала Эмили. – Я еще не знаком с планом дома.

Кто-то хихикнул. Пожилая женщина, сидевшая во главе стола, справа от пустого стула, положила ложку и промокнула салфеткой уголок губ.

– Доброе утро, мистер Гримсби. Я – миссис Нидл, экономка. Разумеется, добро пожаловать к нам, хотя уверена, что Люси будет счастлива утром приносить вам поднос в комнату, если вы это предпочтете. Можете занять место Лайонела. Он пока прислуживает наверху.

Лайонел, сидящий слева от дворецкого; наверняка старший лакей и сейчас занят, предвосхищая желания Эшленда в столовой для завтраков. Эмили еще раз обвела взглядом стол, на этот раз внимательнее, запоминая. В конце концов слуги так же остро воспринимают ранги и положение, как и их хозяева. Появление учителя скорее всего их взбудоражило. Учителя и гувернантки занимают узкое пространство между ступенями – ни прислуга, ни лорды, относятся к классу людей образованных, но все же являются служащими в доме. Отсюда и предложение приносить поднос с завтраком в комнату, это облегчит положение вещей всем в этом заинтересованным. Лайонел, чье место она займет, будет в восторге.

Но пока она здесь и не может поджать хвост и бежать.

Эмили обошла стол, высоко держа голову, и выдвинула стул Лайонела. Его место уже сервировали чашкой, тарелкой, вилок, ножом и ложкой. Эмили села и кивнула Люси, сидевшей на противоположной стороне стола, несколькими местами дальше.

– Могу я попросить вас передать мне гренку, мисс Люси?

Люси улыбнулась, взмахнув ресницами.

– Ну конечно, мистер Гримсби.

В наступившем тяжелом молчании Эмили ела аккуратно, чуть склонив голову к тарелке, и делала все возможное, чтобы стать невидимкой. Стук столовых приборов затихал. Кто-то негромко задал вопрос, ему ответили чуть громче. Эмили приступила к чаю.

– О-о-о, Люси! – сказала вдруг одна из горничных. – Сегодня в газете напечатали очередную историю о пропавших принцессах из Германии. С фотографиями.

Чай мгновенно попал Эмили не в то горло.

– О-о-о, правда? – воскликнула Люси. – И как они выглядят? Красивые? С тиарами?

– Да, и с большими, а поперек груди – голубые ленты. По-моему, самая симпатичная – старшая. У нее такие красивые светлые волосы, в точности как у тебя. Говорят...

– Слушайте, мистер Гримсби, с вами все в порядке? – спросила Люси.

– Все замечательно, – выдохнула Эмили между приступами кашля.

– А вы слышали о принцессах, мистер Гримсби? Просто ужасная история.

– Нет, не слышал. Миссис Нидл, позвольте побеспокоить вас... кхе, кхе... насчет чайника.

Миссис Нидл заботливо налила Эмили полную чашку.

– Небольшими глотками, мистер Гримсби, и все пройдет.

– Это какое-то маленькое королевство в Германии, мистер Гримсби, и король...

– Князь, Люси, – знающим тоном поправила ее одна из горничных. – Это не королевство, а княжество. Им правит князь, так пишут в газетах.

Люси вздохнула:

– Ох уж эти немцы. В общем, князь умер месяц назад или около того, на охоте, вместе со своим зятем, тем самым, что женился на старшей дочери. А через неделю, когда должны были короновать старшую дочь, потому что сыновей-наследников у князя не было, принцессы исчезли. Все до единой. И даже королевская гувернантка. – Она подалась вперед и произнесла это многозначительно.

Эмили наконец-то откашлялась.

– Как ужасно.

– И знаете, что пишут сегодня в утренней газете? – Еще одна горничная буквально подпрыгивала на стуле. – Думают, что принцессы приехали в Англию!

– В Англию! О Джейн! – воскликнула Люси.

– Зачем бы это? – прошептала Эмили.

– Ну как же. Вроде как их мать была англичанкой, сестрой герцога Олимпии, – ответила Джейн.

За столом пронесся общий глубокий вздох. Эмили заметила рядом со своей чашкой горшочек с мармеладом и протянула руку между фарфором, чтобы взять его.

– Его светлость знаком с герцогом Олимпией. Они – большие друзья, – сказал в дальнем конце стола один из младших лакеев. – Просто водой не разольешь.

– Только вообразите, – мечтательно произнесла Люси, трогая пальцем свою чашку. – Вообразите, вдруг эти принцессы прячутся прямо в нашей деревне! И мы окажемся рядом с ними в лавке!

– Чепуха, – отрезала миссис Нидл. – Этим утонченным принцессам Йоркшир даже на карте не отыскать. Кроме того, они, конечно же, переодеты.

Эмили уронила мармелад на скатерть.

Люси прицелкнула пальцами.

– Я бы узнала переодетую принцессу только так!

– Не узнала бы, – возразила Джейн.

– Еще как узнала бы! Есть что-то особенное в том, как они выглядят и говорят, – отозвалась Люси. – Меня им не одурачить.

Эмили свирепо промокала пятно от мармелада.

– Чушь. Ты в жизни своей не встречала принцесс, Люси Мадж.

– Я один раз видела принцессу Александру в Лондоне, ясно?

Джейн засмеялась.

– Сколько улиц вас разделяло?

– Не важно. Я все равно сразу все пойму.

– Не поймешь.

– Пойму!

– Люси, – вмешалась миссис Нидл, – ты уже убралась в классной комнате? Я уверена, что джентльменам она понадобится нынче же утром. Верно, мистер Гримсби?

Эмили свернула испачканную мармеладом салфетку и положила ее возле тарелки. Лицо ее все еще горело.

– Да, мадам, если это удобно.

На женской половине стола послышался сдавленный смешок.

– Люси, довольно, – сказала миссис Нидл.

– Да просто молодой хозяин не...

– Довольно, Люси, – повторила миссис Нидл. – Ты разожжешь камин в классной комнате сразу после завтрака и тщательно там уберешься.

– О, что до этого, миссис Нидл, – воскликнула Люси, – я буду счастлива привести все в порядок для мистера Гримсби!

Эмили изумленно подняла взгляд. Неужели ресницы Люси и вправду трепещут?

– Счастлива, кто бы сомневался, – сварливо произнесла Джейн.

– А у тебя, Джейн, этим утром есть другие дела. – Миссис Нидл допила чай.

– Я вовсе не против прислуживать мистеру Гримсби, – сказала Люси. – И пусть даже я вчера сидела до глубокой ночи, дожидаясь его светлости и его милости, и сегодня опять буду...

– Довольно, Люси, – резко оборвала ее миссис Нидл.

– ...и один Господь знает, как поздно вернется его светлость на этот раз...

– Люси!

Слева от Эмили кашлянул лакей. По деревянному полу скрипнул чей-то стул. Эмили взглянула сквозь ресницы и увидела, что Люси пальцем трогает рукоятку своего ножа, обиженно поджав губы, и что-то неразборчиво бормочет.

– Что еще такое, Люси? – рявкнула миссис Нидл.

Люси подняла глаза.

– Я сказала, что ни в чем не виню бедняжечку.

– Его светлость не бедняжечка, Люси. Он – герцог. – Миссис Нидл потянулась к чайнику и налила себе свежего чая. – Можешь идти.

– Да, мэм. – Люси встала, забрала свои пустые тарелку и чашку и вышла из комнаты.

Миссис Нидл взяла щипцы для сахара и выбрала кусок. Пальцы у нее были чистые, с круглыми подушечками и подстриженными под самый корень ногтями.

– Вы нас простите, мистер Гримсби. Мы все служим его светлости с тех пор, как он сюда переехал, а многие и раньше. Поэтому ведем себя, пожалуй, чересчур фамильярно.

– Ничего страшного, мадам. Я прекрасно понимаю.

По лестнице простучали чьи-то шаги, мгновением позже в дверях появилась черно-белая фигура дворецкого, мистера Симпсона, – сплошная благопристойность.

– Его светлость закончил завтрак, – объявил он. Горничные одновременно схватили свои чашки и осушили их.

Миссис Нидл вытерла губы и встала.

– Девушки, уберитесь в комнате для завтраков. Джейн, накрой для Лайонела стол заново. Мистер Симпсон, как сегодня чувствует себя его светлость? – В ее голосе послышалось что-то неожиданно теплое и заботливое.

Эмили торопливо допила чай. Завтрак тяжестью осел в желудке. Краем глаза она наблюдала за тем, как приближается Симпсон, как на мгновение останавливает свой взгляд на пятне мармелада на скатерти рядом с ее тарелкой.

– Его светлость чувствует себя неплохо, – ответил Симпсон, взметнув фалдами и усаживаясь на свое место. Он протянул руку к чашке и без предисловия произнес своим надтреснутым голосом: – Мистер Гримсби, зайдите к его светлости в кабинет, как только вам будет удобно. Кто-нибудь из лакеев покажет вам дорогу.

Герцог Эшленд стоял у высокого окна, держа в руке чашку с блюдцем. Когда Эмили вошла, он повернулся, и внезапный солнечный луч скользнул по его лицу, по безупречной левой стороне, оставив остальное в тени.

– Доброе утро, мистер Гримсби, – сказал Эшленд. – Похоже, Йоркшир приветствует ваш приезд самым необычным для данного времени года образом.

Этот голос! Эмили думала, что только вообразила то, что звучная сочность его голоса была вызвана замкнутым пространством пивной, а потом кареты. Но эта комната большая, потолки высокие, а от голоса Эшленда воздух начинал танцевать.

– Я благодарен за теплый прием, полученный в вашем доме, ваша светлость.

Эшленд вышел из луча ослепительного солнечного света. У Эмили перехватило дыхание. Он надел на бесполезный глаз черную повязку, придававшую ему настоящий пиратский вид, а коротко постриженные волосы, которые она вечером приняла за белокурые, оказались серебристо-белыми.

Эмили в жизни не видела никого столь экстраординарного.

– Надеюсь, слуги вели себя любезно. Вы позавтракали?

– Да, сэр.

Он поставил чашку на угол стола, сунул левую руку в карман, и только теперь Эмили заметила, что манжета его правого рукава пуста.

Ее глаза расширились и метнулись к его лицу. С самого детства Эмили учили всегда оставаться вежливой и бесстрастной, и не важно, насколько перед ней неприятный или странный вид, но герцог... все в нем – его габариты, его голос, его белые волосы, его шрамы, его пустая манжета, – все это было чересчур. Эмили казалось, что ее мозги рассыпались по всей комнате.

Эшленд взглянул на часы.

– Мой сын вступил в такую пору жизни, когда молодые люди ложатся поздно и поздно встают. Однако я приказал отнести к нему в комнату поднос с завтраком, и ожидаю, что в девять часов вы начнете занятия в классной комнате. – Он поднял глаза и улыбнулся, и намек на теплоту в его улыбке заставил колени Эмили подкоситься. Она чуть не упала на индийский ковер. – С мальчиком или без него.

– Да, сэр, – прошептала Эмили, подтолкнув очки повыше. Куда делся ее голос?

Олимпия говорил, что Эшленд воевал. Принимал участие в боевых действиях где-то в отдаленной части Индии, еще до того, как вернулся в Англию и принял титул. Видимо, там его и ранили, отсюда шрамы, пустая манжета и, вероятно, седые волосы. Физическое потрясение может к такому привести. Все это вполне естественно.

– Да, сэр, – повторила Эмили чуть громче.

– Очень хорошо. Не помешает ли вам, если я днем зайду и посмотрю, как вы занимаетесь? Заверяю вас, исключительно для того, чтобы оценить успехи сына, а не ваши способности. – В его голосе прозвучал приказ, в точности как вчера с Фредди, и Эмили снова отметила, что это вовсе не вопрос.

– Ну конечно, нет. Вы имеете на это полное право.

Эшленд сунул часы в карман и взял чашку.

– Вы пьете кофе, мистер Гримсби?

– Нет, – ответила она. – Я привык к чаю.

– Я приобрел эту привычку за границей, и, боюсь, она уже не изменится. Надеюсь, вы не против. В любом случае, если у вас есть свободная минутка, мне бы хотелось сесть и посмотреть, как вы распланировали курс обучения. – Эшленд показал на кресло у письменного стола и обошел стол кругом, чтобы занять свое место. Несмотря на свои габариты, двигался он, как африканская кошка. Как леопард в Берлинском зоопарке, бесшумно и быстро расхаживавший по своей клетке с неутомимой грацией. – Кстати, герцог Олимпия очень высоко вас откомендовал. Вы приехали от него?

Эмили устроилась в кресле и подавила порыв потрогать бакенбарды. Кожа под ними немилосердно чесалась. Эшленд смотрел на нее – с этим своим красивым изуродованным лицом, своим бесстрастным лицом, и нервы ее натянулись до предела. Держись как можно ближе к истине, инструктировал ее Олимпия.

– Да, сэр. Имею честь сообщить вашей светлости, что всего два дня назад он находился в превосходном здравии.

– Счастлив это слышать. А вы удачливый молодой человек, раз имеете такого патрона.

– Да, сэр. Мы в родстве по материнской линии.

– Его светлость заботится о своих, – заметил Эшленд. Его руки – его рука – лежала на коленях. Обостренным восприятием Эмили почувствовала, что под его спокойствием кроется некоторое напряжение.

– Он очень добр. – Эмили сцепила руки.

– Добр. Да. – Под черной повязкой герцога дернулся мускул, словно он сдерживал улыбку. – Я вовсе не состою с ним в кровном родстве, тем не менее он с почти отеческой заботой присматривает за моими интересами в Лондоне. Думаю, ему нравится эта роль. Осмеюсь сказать, в древние времена он получил бы королевство.

Эмили улыбнулась, представив себе Олимпию на троне, дарящего благосклонности и замышляющего военные кампании.

– Я вижу, вы его неплохо знаете. А как вы познакомились?

Эшленд, не отвечая, изучал ее лицо, и Эмили с запозданием сообразила, что вопрос этот невозможно личный, вовсе не из тех вопросов, какие учитель может задать своему нанимателю. Она уже забылась. К щекам прилила кровь, их зашипало.

– О, по обычным каналам, – все же ответил Эшленд, поднял левую руку и небрежно взмахнул ею. – Он проявил ко мне интерес в самом начале моей карьеры, когда я был еще простым лейтенантом гвардии. Но мы отвлеклись от темы. Экзамены, как вы помните, состоятся всего через пять месяцев, и хотя я должен признать, что его милость даже чересчур умен, сомневаюсь, что один ум сумеет убедить почтенных профессоров принять его в таком юном возрасте.

Эмили взяла себя в руки. Голос негромкий, спокойный. «Переселись в Гримсби. Стань Гримсби».

– Если мне позволено будет спросить, ваша светлость, почему, собственно, он пытается поступить так рано? Разве не больше пользы принесет ему еще годик-другой домашнего обучения перед университетом?

Эшленд разгладил страницу в кожаном грессбухе.

– Это идея моего сына, мистер Гримсби. Полагаю, он хочет сбежать.

– Сбежать, сэр?

Эшленд поднял взгляд и своим единственным безупречным голубым глазом холодно посмотрел на нее.

– Да, мистер Гримсби. Сбежать из Йоркшира, сбежать из этого слишком большого, гнетущего дома, сбежать от нудного общества отца.

– Сомневаюсь, сэр. Вы вовсе не показались мне нудным.

Уголок рта Эшленда слегка дернулся.

– Как вы добры, мистер Гримсби. Тем не менее мой сын хочет попытать счастья в Оксфорде, и я согласился помочь ему с подготовкой.

Эмили уже открыла рот, чтобы сказать что-нибудь подходящее, что-нибудь любезное. В конце концов он ее нанял, и она должна быть с ним обходительна. Но тут ее щеки коснулся сквознячок, не тронутый пылающим огнем в камине на другом конце комнаты, и Эмили услышала саму себя:

– А вы хотите, чтобы он выдержал экзамен, сэр?

Седающая голова Эшленда слегка дернулась.

– Прошу прощения?

Еще один промах. Эмили вспыхнула. Она так хорошо играла свою роль вчера, была такой серьезной и сдержанной, держала под строгим контролем каждое слово и движение. Почему же она то и дело забывается с герцогом, с тем, с кем должна держаться вообще вне подозрений? Но взять сказанное обратно уже не получится, так что она храбро ринулась вперед:

– Я имею в виду – вы хотите, чтобы на следующий год он покинул ваш дом и уехал в университет?

– Что за удивительный вопрос, мистер Гримсби.

– Разумеется, я не хотел совать нос в чужие дела... – начала было Эмили.

– Еще как хотели.

– ...но, конечно же, дело учителя – понимать, что движет его учеником, чтобы лучше разработать курс обучения.

Эшленд выгнул бровь. Эмили с трудом удержалась, чтобы не начать суетиться, не подтолкнуть очки повыше или не подергать себя за бакенбарды, кожа под которыми под взглядом герцога зачесалась еще сильнее.

Наконец Эшленд вытащил авторучку из специального держателя на гроссбухе, сильно встряхнул, опустил к бумаге и начал писать, неловко взяв ее левой рукой. Правую пустую манжету он прижал к боку.

– Ваше дело, мистер Гримсби, за четыре месяца подготовить моего сына к вступительным экзаменам. Это дело вы выполняете, как считаете нужным. Слуги и любые удобства этого дома полностью в вашем распоряжении. Вы ездите верхом?

– Да, сэр.

– Вам будет предоставлена лошадь. Советую в своих поездках брать с собой грума, поскольку окрестности здесь весьма коварны. Требуется вам еще что-нибудь?

– Нет, сэр.

Он поднял глаза. Взгляд весьма суровый.

– В таком случае можете идти, мистер Гримсби. Немного позже я поднимусь наверх и посмотрю, как вы работаете.

Эмили выпрямила спину. Она была вполне готова учитывать несчастья герцога – такое любого сделает жестким и резким. Кроме того, она от него зависит. «Помните, – говорила мисс Динглеби, муштруя на прошлой неделе трех сестер на чердаке у Олимпии, – не забывайте, вы больше не принцессы. Вы – простые люди и наняты, чтобы выполнять свою работу к вящему удовлетворению своих нанимателей. Вы будете зависеть от их требований, их откровенного мнения и будете должны им подчиняться». Эмили повторяла эти слова вчера ночью и сегодня утром, прилаживая бакенбарды с помощью специального клея, купленного мисс Динглеби.

«Ты должна ему подчиняться».

Но она не обязана получать от этого удовольствие.

– Есть один вопрос, сэр, – скованно произнесла Эмили.

– Да?

– Помимо моих обязанностей – могу я иметь какое-то время для себя самого?

Эшленд потрогал ручку.

– Думаю, да.

– Могу я, к примеру, иногда сходить в деревню?

– Как пожелаете. Сожалею, что особых развлечений тут нет. – Голос Эшленда зазвучал чуть вкрадчиво и язвительно.

В ушах Эмили застучала кровь.

– Что до развлечений, мне, кроме книг, ничего особенного не требуется, сэр. Но у меня есть кое-какие свои дела, время от времени требующие моего внимания. – Она встала и уставилась на седую макушку Эшленда. – Если позволите, я приступлю к работе прямо сейчас.

– Превосходно, мистер Гримсби. Доброго вам утра. – Эшленд снова обратил свое внимание на гроссбук.

Скрип пера по бумаге дал ей понять, что она может идти.

Глава 4

Фредерик Расселл, лорд Сильверстоун, неспешно вошел в классную комнату в половине десятого, одетый для верховой прогулки.

– Ого, – сказал он, бросая алый сюртук на ближайший стул. – Да вы ранняя пташка, Гримсби.

Эмили сняла очки, протерла их и снова надела. Вытащила из кармана часы и наклонила их к окну.

– Сейчас половина десятого, ваша милость. Ваши уроки начинаются в девять. Сожалею, что вы их пропустили.

Глаза Фредди под очками чуть не выскочили из орбит. Волосы его сбились набок, их явно не расчесывали, а костлявые тощие плечи торчали под белой рубашкой, как колышки для палатки.

– Прошу прощения?

Эмили сунула часы на место.

– Вы поели, сэр? Настоятельно рекомендую вам завтракать по утрам до того, как мы начнем. На пустой желудок невозможно сосредоточиться как следует.

– Слушайте, Гримсби...

– Так как, сэр? Вы поели?

– Ну да, но...

– В таком случае сядьте и ознакомьтесь с расписанием своих занятий. Насколько я понимаю, вы пьете кофе. Я попросил миссис Нидл принести сюда поднос в одиннадцать. И вот еще что, лорд Сильверстоун.

Фредди плюхнулся в кресло.

– Да, Гримсби?

– Мистер Гримсби. Пожалуйста, наденьте сюртук и поправьте галстук.

– Черт возьми, Гримсби...

– Черт возьми, мистер Гримсби.

– Да к чертям все, мистер Гримсби, – заявил Фредди, но потянулся за сюртуком.

К тому времени как Люси, жеманничая, ровно в одиннадцать принесла на серебряном подносе кофе, Эмили успела убедиться в том, что уже подозревала раньше. Лорд Сильверстоун был умен, даже блестяще умен, легко схватывал мысли и соединял их друг с другом. Кроме того, он был недисциплинирован, с лихорадочной одержимостью изучал то, что его интересовало, и старался избегать того, что было ему скучно. Ночами он читал, иногда до самого утра, но не делал никаких пометок. Если книга оказывалась сложной и трудной для понимания, он просто переходил к следующей.

Короче говоря, экзаменаторы разорвут его на клочки.

– Экзаменаторы разорвут вас на клочки, ваша милость, – сказала Эмили. – Спасибо, Люси. Можете идти.

Фредди откинулся на спинку кресла и взъерошил волосы. Глаза его не отрывались от задницы уходящей Люси.

– Чушь. Они все будут дремать в своих креслах.

Вероятно, он не ошибался, но Эмили соглашаться не собиралась.

– Ваш греческий не так уж плох, но латынь отвратительна.

– Зато математика превосходна. – Он потянулся к кофейнику и наполнил свою чашку до краев. – Кофе?

Эмили с подозрением посмотрела на черную жидкость.

– Разве только чуть-чуть.

Он наполнил вторую чашку и взял кувшинчик со сливками.

– Именно так я выигрываю в карты. С помощью математики. – Он постучал по виску чайной ложечкой. – Запоминаю, что уже вышло, просчитываю вероятности. Довольно просто, если уловишь суть.

– Но рискованно. Вы же не можете не понимать, что они считают, будто вы жульничаете. – Эмили добавила в чашку сливки и кусок сахара и неуверенно принялась. Пахло довольно неплохо. Такой житейский богатый запах.

– Ну давайте, пробуйте. Он не кусается. Если, конечно, вы не пьете его черным, как отец. Ох, вот это вещь! В особенности приятно, когда просыпаешься поздно.

Эмили сделала глоток и передернулась.

– Он пьет это черным? Вообще без ничего?

– Понимаете, он у нас из героев. Сделай или умри. Наверное, думает, что это его обесчестит – портить чистоту кофе или что-то в этом роде. Это что, лимонный кекс? – Фредди протянул тощую руку к подносу и схватил кусок.

– Тарелка и салфетка слева от вас, лорд Сильверстоун.

– О, точно. Он совсем неплохой, мой отец, – произнес Фредди довольно неразборчиво, жуя кекс, – но очень уж непреклонный. Возьмите, к примеру, его лицо.

Эмили промокнула губы, спохватилась и смачно вытерла их.

– А что его лицо?

– Ха-ха. До чего у вас превосходные манеры, Гримсби. То есть мистер Гримсби. – Он подмигнул. – Конечно же, я имею в виду эту его ужасную физиономию, при взгляде на которую детишки визжат от страха, а ангелы лишаются чувств. Вот уже двенадцать лет, с тех пор как он вернулся домой после того, как, черт его знает, в каком приключении ему покалечило лицо, а заодно он лишился и руки, отец не покидает Йоркшир, не принимает гостей и вообще не посещает светских мероприятий. И знаете почему?

– Это совершенно не мое дело, ваша милость, – ответила Эмили, наострив уши.

– Конечно, не ваше, но бьюсь об заклад, вы умираете, хотите узнать, разве нет? Можно подумать, что это гордость – раньше я и сам так думал, и, должен признаться, частично так оно и есть. Но время шло, и я начал мудреть, – тут Фредди пожал плечами, как умудренный жизнью шестнадцатилетний юнец, – и начал понимать, что это самое обыкновенное тупоголовое упрямство. Для начала он перестал выезжать и, клянусь Богом, даже и не собирался менять решение. А потом удрала моя мать...

– Лорд Сильверстоун, право же. Вряд ли следует рассказывать подобное постороннему человеку. – Эмили решила сделать еще глоток кофе. Как странно, у нее вдруг закружилась голова.

– Чепуха. Кто-нибудь все равно должен вам рассказать, чтобы вы не попали впросак с неуместными замечаниями. Никто не любит попадать впросак, мистер Гримсби. – Фредди ухмыльнулся. – Мне тогда было всего четыре года, так что я почти ничего не помню, только то, что она была необыкновенной красавицей. А может, я и этого не помню, просто все так говорят. «О, герцогиня, она была красавицей, просто легендарной». В общем, все представили так, будто она уехала за границу поправлять здоровье, но на самом деле она удрала, просто и незатейливо. И если и имелась хоть какая-то возможность изменить решение отца насчет того, чтобы вернуться в общество, именно тогда эта возможность и умерла. Хотите кекса?

– Нет, спасибо. – Эмили поставила чашку. Ветер снова нагнал тучи, и солнце, так весело струившееся в окно в девять утра, исчезло, а в комнате стало холодно. Эмили встала и подошла к ведерку с углем. Видно, что комнату используют нечасто. Лимонный запах, оставшийся после недавней уборки, не мог перебить затхлость и запах гниющего дерева,

какой всегда имеется в почти необитаемых помещениях. – Но она жива, надеюсь? – услышала Эмили собственный голос и бросила в шипящее пламя камина несколько кусков угля.

– О, об этом я ничего не знаю. Спросите лучше отца, – с полным ртом приглушенно ответил Фредди.

– Разумеется, я не буду спрашивать вашего отца. Это совершенно меня не касается.

– Лично мне все равно – хоть так, хоть эдак, честное слово. Думаю, где бы она ни находилась, вряд ли она мучается бессонницей из-за меня или отца.

Эмили выпрямилась и расправила лацканы.

– В таком случае она дурочка.

– Хотя мне интересно, какая она была. – Фредди откинулся на спинку кресла и допил остатки кофе. – Как мне рассказывали, поначалу они бешено любили друг друга. Медовый месяц в Италии, но поскольку я родился через девять месяцев после свадьбы, вряд ли они видели там много достопримечательностей, если вы понимаете, о чем я. Потом отца призвали в полк, и на этом все кончилось.

Щеки Эмили под бакенбардами горели.

– Этого вполне достаточно, ваша милость. Довольно.

– Действительно.

Единственное слово прогремело в комнате, как пушечный выстрел. Эмили подскочила, расплескав кофе, и резко повернулась.

Герцог Эшленд заполнял собой дверной проем. Рука его лежала на задвижке, седые волосы словно светились над изуродованным лицом.

При появлении Эшленда аккуратная комната словно взорвалась паникой, как взвод, пойманный сержантом за уклонением от служебных обязанностей. Очень полезный навык – умение двигаться и наблюдать, не будучи замеченным. По крайней мере этим он обязан Олимпии.

Фредди вскочил на ноги, опрокинув стул.

– Сэр!

На другой стороне стола мистер Гримсби поставил чашку с кофе и встал. Пальцы его вцепились в край стола; вероятно, дрожали. Бедняга.

– Доброе утро, ваша светлость, – произнес он своим хриловатым голосом.

Эшленд прошел в комнату, с решительным щелчком закрыв за собой дверь. Это помогло подавить неприятное чувство, зарождавшееся в груди. «Поначалу они бешено любили друг друга».

– Я пришел, чтобы посмотреть, как продвигаются твои дела, Фредерик, – сказал он.

Фредди поднял стул, поставил его и сел.

– О, только не сердись и не увольняй беднягу Гримсби, отец. Мы просто болтали за кофе. Заверяю тебя, он здорово гонял меня всего несколько минут назад.

– Не сомневаюсь. – Эшленд перегнулся через стол, просмотрел книги и тетради, валявшиеся у подноса, и взял один листок. – Это твои латинские спряжения, Фредерик?

«Она удрала, просто и незатейливо».

Эшленд сцепил пальцы, чтобы не смять листок.

– Ужасно, я знаю. Мистер Гримсби уже разнес меня в пух и прах. Но с другой стороны, он впечатлен моим знанием математики.

– Так и должно быть. – Эшленд положил листок обратно на стол. – Ну, мистер Гримсби? Каково будет ваше суждение?

Лицо Гримсби все еще розовело под этими его пугающими кустистыми пшеничного цвета бакенбардами. Он откашлялся.

– Лорд Сильверстоун очень умен, ваша светлость, как я и предполагал, но в грядущие месяцы ему необходимо заниматься с куда большим усердием и дисциплиной. Ему еще нет шестнадцати, и его обучение в лучшем случае можно назвать беспорядочным, а ему придется состязаться за место с более старшими учениками общественных школ, которых натаскивали на латынь ежедневно в течение восьми – десяти лет. Полагаю, имя поможет ему пройти...

– Вот еще, – пробормотал Фредди.

– ...но сомневаюсь, что его милость захочет, чтобы удача родиться в таком семействе лишила возможности продвинуться более подготовленных молодых людей. – При этих словах глаза Гримсби заблестели, словно он и вправду волновался за судьбу того достойного школьника, которого оттолкнул в сторону ради сына герцога.

Эшленд поднял бровь.

– Отлично сформулировано, мистер Гримсби. Фредерик? Ты согласен?

– Ну, если это так представить, – угрюмо буркнул Фредди. – В конце концов я не совсем конченный подлец.

– Полагаю, мистер Гримсби совершенно прав. Основная мощь Британии заключена в возможности отыскивать и поощрять юношей, обладающих исключительными способностями, и давать им шанс усердным трудом и прилежанием улучшить свое жизненное положение. Больше нигде в Европе талантливый юноша, не имеющий надежных связей, не может продвинуться и занять выдающийся пост, а в результате мы наблюдаем на континенте застой, разложение и тиранию. – Эшленд постучал пальцем по верхней книге в стопке Гримсби – аккуратном издании «Начал» Ньютона.

– Ну хватит, отец, – пробурчал Фредди. – Это уже чересчур.

Лицо Гримсби запылало, приняв угрожающий багровый оттенок.

– Это не совсем так, ваша милость. Я бы не заходил так далеко, чтобы употреблять слово «тирания».

– Тирания и беспорядки, – отрезал Эшленд. – Возьмите хоть последний случай в Германии, в этом Хольштайн-Швайнвальде. Ничтожное отсталое государство, совершенно второсортное, не представляющее для большого мира никакого интереса...

Отсталое!

– Но даже там имелся самовластный правитель, деспот, предпринявший попытки перекроить право престолонаследия в угоду собственным интересам и предотвратить развитие демократической формы правления...

– Разве справедливо, ваша светлость, что преемственность должна оборваться только потому, что детьми князя оказались девочки, а не мальчики? Самой Британией, а если уж на то пошло, и половиной мира, правит женщина. – Голос Гримсби дрожал от волнения.

– Ваши взгляды достойны восхищения, мистер Гримсби, но позволю себе напомнить, что Великобританией правит ее народ, как вам прекрасно известно. Королева Виктория, да благословит ее Господь, играет в управлении страной лишь церемониальную роль. Но вообще-то мы здесь не для того, чтобы обсуждать политические теории. Мы собирались обсудить прилежание лорда Сильверстоуна в занятиях и его долг получить место в университете исключительно благодаря достоинствам.

Гримсби опустил взгляд на лежавшие перед ним бумаги и аккуратно сложил их.

– В этом вопросе мы с вами полностью сходимся, ваша светлость. Я сделаю все возможное, чтобы подготовить его милость.

– Очень хорошо. – Эшленд взял самый надежный на вид стул и отодвинул его от стола так, чтобы на правую сторону лица падала тень от окна, причем устроился так инстинктивно, даже не заметив этого. – Продолжайте, – махнул он рукой. – Просто сделайте вид, что меня тут нет.

Гримсби медленно моргнул своими большими голубыми глазами из-под очков.

– Ваша светлость?

– Я изменил свой график, чтобы иметь возможность часа два спокойно понаблюдать. –

Он милостиво улыбнулся обоим.

– Отец, это невозможно! Не заметить тебя так же легко, как огромного слона!

Эшленд потрогал пустую манжету. Сегодня утром обрубок руки болел сильнее, чем обычно. Возможно, меняется погода – зима на подходе.

– И тем не менее, – сказал он.

– Не будь посмешищем, отец...

– Отец вашей милости имеет полное право остаться и понаблюдать, – произнес мистер Гримсби. – В конце концов именно он платит за ваши занятия.

Эшленд скрестил на груди руки, изучая Гримсби. Он всегда считал, что неплохо разбирается в характерах, за редчайшими исключениями, но молодого учителя пока не раскусил. В нем имелась определенная свежесть и простодушная невинность. Светлые волосы блестели под густым слоем липкой помады, щеки все еще удивленно розовели после неожиданного появления Эшленда. Если бы не бакенбарды, роскошно курчавившиеся на щеках Гримсби, он казался бы совсем юным, вряд ли старше самого Фредди.

И его глаза. Эшленд чуть склонил голову, наблюдая за обоими. Гримсби объяснял Фредди, заскукавшему и обмякшему на стуле, что-то из латинских спряжений, и его голубые глаза серьезно прищурились, так что между бровями залегла складка. Старая душа, сказала бы мать Эшленда, кивая головой. Старая и мудрая.

Эшленд снова вспомнил вчерашний вечер в пивной и Гримсби, размахивающего куриной ножкой, с лицом, пылающим решимостью.

Гримсби, поправивший свои лацканы несколько минут назад, когда Эшленд молча наблюдал за ними от дверей. И его непреклонный голос: «В таком случае она дурочка».

Тот старичок, последний учитель Фредди. Лет семьдесят, не меньше, редющие волосы и ворчливый голос. Вечно жаловался на невнимание Фредерика и отсутствие дисциплины. «Нельзя от меня ожидать» и «при таких условиях».

Эшленд сложил руки на груди, спрятав пустую манжету и наслаждаясь тем, как давит на обрубок другая рука. У Гримсби голос негромкий, чуть хрипловатый, причем почти намеренно, словно он пытается компенсировать юный возраст искусственной звучностью. Решимость, терпение, ум. Этот парень ничем не походит на прежних учителей, уволившихся через два дня, неделю, три недели, сытых по горло искрометно ярким умом Фредди и непрерывным воем ветра среди унылого ландшафта.

Отсюда возникает вопрос: почему Олимпия отправил Гримсби в Эшленд-Эбби, а не использует юношу сам?

В конце концов Олимпия никогда и ничего не делает просто так.

Эшленд внезапно встал.

– Благодарю, мистер Гримсби, – сказал он. – Оставляю вас обоих в покое.

Он вышел из комнаты и спустился по лестнице вниз, в свой личный кабинет. До рискованного вечернего предприятия ему необходимо переделать много дел по имению.

Глава 5

Ко второй половине дня неугомонный Фредди начал рваться из стен классной комнаты на волю, и Эмили, уцепившись за эту возможность, предложила передышку и прогулку на свежем воздухе. Послали на конюшню, и очень скоро они уже рысью выезжали со двора, закутавшись от холода в куртки и надев шерстяные шапки.

– А вы хорошо ездите верхом, – потрясенно заметил Фредди.

– Разумеется, я хорошо езжу верхом. Я всю свою жизнь почти ежедневно ездил верхом. – Говоря это, Эмили даже головой не качнула, но на самом деле ее согрели слова Фредди. Чистая правда, она начала ездить верхом почти тогда же, когда научилась ходить, но вот ездить в мужском седле ей довелось в течение всего лишь двух подготовительных недель в дальнем поместье герцога Олимпии в Девоне. Даже сейчас кожа седла слегка натирала внутреннюю поверхность бедер, но Эмили все равно нравилось, как интимно двигается между ног тело лошади. Так она чувствовала себя ближе к животному, словно связанная узлами с его сознанием.

– Ну, это здорово, – сказал Фредди и показал хлыстом на колышущуюся вокруг траву. – Если не выбираться в город, то, кроме верховой езды, тут и заняться нечем.

– А где город?

Фредди показал.

– Около четырех миль в том направлении. Через какое-то время выезжаешь на дорогу. Сначала будет «Наковальня», которую вы, конечно, уже знаете, затем железнодорожная станция, тоже вам уже известная, а уж потом собственно город. – Он вздохнул. – Впрочем, ничего особенного в нем нет. Скучная фабрика, где делают посуду, и нет даже недовольных рабочих, чтобы слегка взбодриться, поскольку отец купил ее лет десять назад. Все так довольны жизнью, что можно подумать, будто они распыляют опиум по фабричным помещениям.

– И это все? Только фабрика?

– Нет-нет. Вы наверняка слышали про «Эшленд-спа-отель». Нет? Чертовски хорошие горячие источники, и отец превратил их в настоящий курорт примерно в миле от города. Есть еще магазины, кузница и всякое такое. Обыватели бродят туда-сюда, как овцы. – Фредди зевнул в рукав. Гнедой жеребец от удивления чуть дернулся. – И конечно же, нет ни одной симпатичной девчонки. Наверное, во всем виноват ветер.

«Эшленд-спа». Приличный отель примерно в миле от города.

Над головой собирались тучи, одна чернее другой. Эмили взглянула на небо, затем на побитую траву под ногами лошади.

– Вы не против съездить туда? Признаюсь честно, мне очень любопытно.

– А! Изучаем территорию для будущих вылазок на выходные, точно?

– Что-то вроде этого. – Эмили изо всех сил старалась, чтобы голос не дрогнул.

– Ну так вперед! – Фредди повернул своего гнедого влево.

Он говорил правду. Город оказался ничем не примечательным, обычная английская деревня, ставшая фабричным городишком, – в самом центре скопление старых домишек, наполовину бревенчатых, а дальше ровные ряды одинаковых домов для рабочих с хорошо ухоженными садиками размером приблизительно с носовой платок. Первые капли дождя брызнули на щеку Эмили, когда они въезжали в пригород. Фредди перешел на шаг и посмотрел на небо.

– Проклятие, – сказал он. – Можем повернуть назад, если хотите. Остановимся в «Наковальне» и переждем.

– Уж наверное, вы сделаны из более прочного материала, ваша милость. – Эмили опустила отворот шапки пониже.

– Черт. А вы, значит, как раз из них, да? – Костлявые плечи Фредди поникли, он испустил меланхолический вздох.

Ну, в общем, так оно и есть. Эмили никогда особенно не любила помпезность и пышность своей прежней жизни, которую Стефани считала весьма забавной, а Луиза принимала с царственной грацией. Эмили всегда предпочитала свернуться в клубочек в какой-нибудь нише с книжкой в руках или скакать верхом по топким полям Хольштайн-Швайнвард-Хунхофа. Чем хуже погода, тем лучше – в погожие дни крестьяне работали на улице, кланялись и расшаркивались при ее приближении, и ей приходилось выпрямлять спину и царственно кивать в ответ, и мысли возвращались в привычное русло, в голове не оставалось больше места для авантур, приключений и мятежа.

Эмили сквозь усиливающийся дождь всматривалась в лица горожан; те открывали зонтики или мчались под крышу, и в голове ни с того ни с сего прозвучали слова герцога Эшленда: «самовластный правитель, деспот, попытки перекроить право престолонаследия в угоду собственным интересам и предотвратить развитие демократической формы правления...»

Конечно, англичанину легко говорить. Никто в Хольштайн-Швайнвард-Хунхофе даже и не помышлял о демократическом правлении. Что крестьяне стали бы делать со своим избирательным правом, получи они его? Папа правил так благожелательно, так великодушно. О бедных заботились. Богатые платили налоги. Средний класс процветал, посылал своих сыновей в школу. Ветер перемен, дувший почти над всей Европой, не затронул маленькое княжество.

Пуля наемного убийцы вылетела неизвестно откуда и поразила Эмили в самое сердце.

Ее пальцы похолодели, несмотря на перчатки. Она прогнала мысль прочь, как делала всегда, но не могла прогнать оказанное ею физическое воздействие. Конь почувствовал ее возбуждение, то, как сильно стиснула она поводья, и резко тряхнул головой.

Ей даже не позволили увидеть тело папы, когда его привезли. Только Луиза вошла и с побелевшим лицом подтвердила, что отец мертв. И Петер, конечно, тоже. Бедный милый Петер, школьный друг, наследник соседней провинции, Баден-Черрипит. Позже Стефани тоже туда пробралась, еще до того, как тела подготовили к погребению, и рассказала, что Петеру попали в шею и что его мертвая плоть белая как полотно. Вероятно, вся кровь вытекла на опавшие октябрьские листья Швайнварда.

Конь дернулся в сторону. Эмили выругалась и заставила его идти ровно.

– Послушайте, Гримсби, – окликнул ее Фредди, промокший и забывший от расстройства про «мистера». – Что вы такое задумали? Разве нельзя повернуть назад и просто выпить пинту-другую в «Наковальне»?

– Мне очень любопытно и хочется своими глазами увидеть ваш курорт, – крикнула через плечо Эмили.

– Да к черту проклятый курорт!

Эмили скакала вперед по главной улице, отметив, что на углу Бейкер-лейн расположена почта, а рядом – пивная. Это может пригодиться.

Но курорт, отель, куда приезжает множество посетителей! Место, где чужаков ждут и тепло приветствуют, где наверняка имеются отдельные комнаты. Место, которое легко найти, но при этом находится оно за пределами города.

Просто идеально.

Дождь полил всерьез.

– Послушайте, Гримсби! – Фредди начинал раздражаться. – Хватит! Уже три часа дня, мы пропустим чай, а моя куртка уже промокла насквозь!

– Вам следует поучиться стойкости, лорд Сильвер-стоун.

– Да у меня полно чертовой стойкости, Гримсби!

– Мистер Гримсби, – ответила Эмили. – А ваша речь достойна порицания для юноши ваших лет. Вынужден просить вас проявить чуть больше находчивости.

– Мы пропустим урок. Это для вас достаточно находчиво, мистер Гримсби?

Эмили изумленно оглянулась. Если Фредди готов заниматься вместо того, чтобы всячески уклоняться от уроков, он, должно быть, и вправду в самом плачевном состоянии.

Бедный Фредди. Он очень перепачкался. С шапки капала вода, плечи промокли. Более того, он неосторожно выехал из дома без перчаток, и руки его сделались тревожно синего оттенка. Его костлявая фигура, облаченная в коричневый твид, напоминала промокнувшее насквозь насекомое.

Эмили выдохнула, с тоской посмотрела на дорогу, ведущую к так манящему к себе «Эшленд-спа-отелю», и повернула коня.

– Ладно, – сказала она. – Но сначала мне нужно заглянуть на почту.

Изящные часы на каминной полке (свадебный подарок, Изабель любила их больше всех) прозвенели, отбивая четыре часа. Эшленд положил перо, аккуратно сложил бумаги и встал с кресла. Камердинер уже ждал его наверху.

– Собирается дождь, сэр, – спокойно произнес камердинер, помогая ему надеть сюртук из превосходной шелковистой шерсти.

– Значит, мне потребуется макинтош, – отозвался Эшленд, повернулся к зеркалу над умывальником и взглянул на себя. Глазная повязка немного сбилась во время бритья. Он поправил ее, подтянул галстук. Короткие седые волосы благодаря помаде лежали аккуратно.

В общем-то это не имело никакого значения, но он чувствовал, что должен женщине хотя бы это.

Уилкинс подошел сзади, держа в руках макинтош. Эшленд надел его и позволил Уилкинсу застегнуть пуговицы, потому что рука у него слегка дрожала. Шляпа, надвинутая на лоб. Перчатка на левой руке сидит как... ну, как перчатка. Да, так лучше. Надежно прикрыт. Он выдохнул и сказал:

– Спасибо, Уилкинс. Дождаться меня ни к чему.

– Конечно, сэр.

Эшленд спустился вниз по лестнице, прошел в дверь, в последний момент открытую бесстрастным лакеем. Вышел наружу, под морозящий дождь. Грум стоял, держа под уздцы его лошадь. Серый декабрьский горизонт уже темнел.

– Хороший мальчик, – ласково произнес Эшленд, забрав поводья у грума и потрепав морду Веллингтона. – Прости за дождь, старина. Придется потерпеть, как солдатам.

Кивнув груму, он взлетел в седло и пустился вперед. Его ждали четыре мокрые мили до города.

Письмо прожигало внутренний карман Эмили, прямо напротив сердца. Разумеется, прочесть его здесь, на глазах у любопытного Фредди, она не могла, да еще и дождь лил. Придется подождать, пока она не окажется в безопасности своей комнаты.

– Разве вы не могли отправить свое письмо из дома? – спросил Фредди. – Я уверен, отец оплатил бы его доставку.

– Конечно. Я учту это в следующий раз.

Дождь никак не мог решить, на чем остановиться, – то он превращался в туман, то начинал моросить, то снова превращался в туман. Эмили ехала, расправив плечи и выпрямив спину. Посмотрев из-под полей шляпы на дорогу, она увидела «Наковальню», приткнувшую-

юся у обочины и выглядевшую еще потрепаннее, чем ночью. Несколько фонарей на карнизе уже горели. Двое мужчин пьяно сползали со своих лошадей во дворе.

– Только одну пинту, мистер Гримсби. Вы не можете сказать «нет», – взмолился Фредди, бросив в ту сторону тоскующий взгляд.

– Еще как могу. И говорю. Когда мы вернемся, в классной комнате нас будет ждать отличный горячий чай.

– Классная комната, – произнес Фредди тоном, каким мог бы сказать «армейская уборная». И вдруг: – Что за?... Это же отец, клянусь Богом!

– Следите за речью, ваша милость, – предостерегла его Эмили, но в ее жилах уже запела кровь, а глаза вглядывались в туман. Мгновенная физическая реакция потрясла Эмили.

Фредди не ошибся. Ошибиться было невозможно – впереди на великолепном темном коне решительно сидел высокий человек, левой рукой держа поводья, а правую положив на бедро.

«Как ему это удастся?» – хотелось спросить Эмили, но она вовремя проглотила вопрос и сосредоточилась на том, чтобы успокоить лихорадочно забившееся сердце и прогнать румянец со щек. Это просто нелепо. Она – дочь князя! Она неоднократно встречалась с кайзером! И вообще привыкла к могущественным людям. Она просто не может нервничать, столкнувшись на мокрой от дождя йоркширской дороге с обычным английским герцогом. Уж кому-кому, а ей прекрасно известно, что князья и герцоги – это просто люди из плоти и крови, они нуждаются в еде, питье и отдыхе и пускают ветры, перебив капусту.

Может, все дело в том, что он – ее наниматель? В этом причина того, что у нее перехватывает дыхание? В данный момент он обладает абсолютной властью над ее судьбой, какой не обладал до него ни один человек. Ничего удивительного, что все ее чувства так насторожены, так впитывают в себя все подробности.

– Отец! – весело вскричал Фредди, когда лошади сблизилась.

Герцог Эшленд выпрямился еще сильнее.

– Какого дьявола вы оба делаете здесь в такую ночь?

– Следи за речью, отец! Мистер Гримсби особенно суров насчет этого. И сейчас вовсе не ночь, правда? Еще даже для чая рано.

– В декабре темнеет рано, как тебе хорошо известно, а мистер Гримсби просто не знаком с нашей местностью. – Эшленд окинул Эмили единственным обволакивающим взглядом единственного глаза и снова повернулся к сыну.

– Зато я знаком с этой местностью. Я знаю каждую травинку отсюда и до «Эшленд-спа». Осмелюсь сказать, ветреной ночью я найду наш дом с завязанными глазами. Собственно, раза два я это уже делал. – Фредди рассмеялся. – Полагаю, ты сегодня направляешься развлекаться? Первый вторник месяца, верно? – Он снова засмеялся. – Ты точен как часы, отец.

Эшленд нахмурился. Щеки его были влажными от дождя и слегка порозовевшими от холода и физической нагрузки. Этот оттенок ему очень шел.

– Смотри, чтобы отвез мистера Гримсби прямо домой. Без этих твоих штучек, слышишь? Симпсон мне все доложит.

Темный конь под ним плясал, то ли от нетерпения двинуться дальше, то ли ему передавалось возбуждение хозяина. Он прядал ушами, прислушиваясь к Эшленду.

– Это было бы куда убедительнее, отец, если бы ты сам сейчас не ехал на поиски приключений. Но не бойся! Я доведу мистера Гримсби до дома без всяких происшествий, клянусь. Оставить для тебя свет, или ты намерен на этот раз остаться на ночь?

– Не дерзи, – сказал Эшленд и тронул коня. – Чтобы завтра в девять утра ты уже находился в классной комнате с мистером Гримсби.

– Отличного тебе вечера, отец! – хохоча, крикнул ему вслед Фредди.

Лошадиные копыта грохотали по мокрым камням дороги. Эмили дождалась, пока этот грохот растает в тумане, и негромко сказала:

– Не следует разговаривать с отцом так неуважительно.

– С отцом? О, он совсем не против. Ему нравится делать вид, будто он ужасный грубиян, но на самом деле в душе – он настоящая кошечка.

– Это потому, что он вас любит. Вы все, что у него есть.

– О, чушь. – Фредди одной рукой взялся за поводья и стряхнул дождевые капли с шапки. – Я не имел в виду, что он любитель нежностей. Только то, что он лает страшнее, чем кусает.

– Вы смешиваете метафоры. Мы разговаривали о котах.

– Ну вы же поняли, что я имею в виду. На самом деле я для него обуза. Напоминание о матери, вероятно. Он позволяет мне вести себя так дерзко только потому, что не хочет утруждаться и устраивать мне выволочку. Считает, что я и этого не стою. – Он снова щелкнул по шапке. – Отсюда и задумка так рано поступить в университет.

– Ваша задумка.

– Но он же не возражает, верно?

Лошади шли дальше под глухое «кап-кап» дождя. Эмили сгорала от желания поинтересоваться у Фредди, куда поехал Эшленд и что могло заставить его сесть верхом в такую погоду. Развлечение, сказал Фредди. Первый вторник месяца.

Возможно, ей лучше об этом не знать.

Но тут Фредди нарушил молчание, сказав с неожиданной силой:

– Сам-то он правила не соблюдает, так? Отправился в свои безнравственные похождения.

– Право же, ваша милость.

– Но это же правда. Он ездит на встречи с какой-то женщиной, думаю, это его любовница, прямо там, в своем отеле. Ездит каждый месяц, хоть дождь, хоть солнце. Нет, я его, конечно, не виню, но нечего задаваться и строить из себя святошу.

Перед мысленным взором Эмили мгновенно возникла картинка – обнаженный Эшленд тяжело дышит в постели какой-то проститутки. Его спина выгнута и блестит от пота, а у нее голая грудь.

– Возможно, вы ошибаетесь.

– Нет, не ошибаюсь. Я спрашивал горничную. Женщину провожают по черной лестнице вверх, в номер в задней части отеля. Ну, чтобы все выглядело респектабельно. А он присоединяется к ней уже в номере. Остается там часа на два, а потом возвращается домой. – Фредди засмеялся. – Добрый старый папенька. Не тратит времени зря даже во время отдыха.

– Может быть, имеется... – Ее лошадь тряхнула головой. Эмили сглотнула, посмотрела на свои руки, стиснувшие поводья, и ослабила хватку. – Ваш отец показался мне человеком с принципами. Может быть, имеется другое объяснение.

Фредди снова захохотал.

– Вы забавный человек, мистер Гримсби. Другое объяснение! Ха-ха. Слушайте, я чертовски проголодался. Давайте проверим, не желают ли эти животные как следует поразмять ноги, а? Иначе стемнеет раньше, чем мы вернемся, а миссис Нидл бывает просто счастлива, когда может как следует отчитать меня. – И он прищпорил коня, пустив его рысью.

Мозг Эмили сказал «да, конечно» и отдал соответствующие распоряжения позвоночнику. Но тело повиноваться не пожелало. Ноги, мышцы икр оставались тяжелыми и неподвижными. Словно тело не желало сжимать подпругу; словно оно не хотело ускорять темп, в котором они удалялись от «Эшленд-спа-отеля», от самого герцога Эшленда.

Словно тело ее, напротив, желало развернуться и повернуть коня обратно. И перехватить Эшленда до того, как он достигнет пункта своего назначения.

Эмили заставила себя вонзить шпоры в бока коня. Тот рванулся вперед и перешел на рысь, и от этого движения словно что-то разорвалось в груди Эмили, сразу под внутренним карманом, где лежало письмо с почты. И всю дорогу до Эшленд-Эбби у нее болело в этом месте.

Глава 6

Люси пришла в ужас.

– О мистер Гримсби! Вы так промокли! – Она заломила руки. – Сейчас же идите наверх и переоденьтесь, а я налью вам горячую ванну, пока вы не умерли от простуды!

– А как насчет меня, Люси? – спросил Фредди. – Я тоже промок.

Она послушно присела в реверансе, но взгляд на него метнула убийственный.

– Я велю Джейн тоже налить вам ванну, ваша милость, хотя прекрасно знаю, кто во всем виноват.

– Протестую! Это Гримсби хотелось проехаться по городу! А я всей душой был за добродетельную пинту эля в старой сухой «Наковальне».

– «Наковальня»! – Люси резко втянула в себя воздух. – Водить голубчика мистера Гримсби в «Наковальню»! О ваша милость! Ну и мысль! – Она повернулась к Эмили, глядя на нее ясными глазами: – Позвольте мне забрать ваши мокрые вещи прямо сейчас, мистер Гримсби. Я сама их высушу и почищу.

Эмили моргнула. Ресницы Люси трепетали.

– Да, конечно. Спасибо, Люси, – сказала она.

– Она положила на вас глаз, – вполголоса произнес Фредди, когда они поднимались по лестнице.

– Глупости.

– Вы для нее превосходная добыча. Начать с того, что с вами она сможет выбраться из Йоркшира. – Фредди локтем ткнул Эмили под ребра.

– Заверяю вас, у меня нет таких намерений.

Они как раз добрались до площадки. Вдоль коридора располагались семейные покои; наверху, двумя пролетами выше, Эмили ждала ее комната. Люси уже проскочила мимо них, чтобы открыть горячую воду. Фредди посмотрел наверх и покрутил головой.

– Это не важно, мистер Гримсби. Такие намерения есть у Люси. А уж если девушка вобьет что-то себе в голову, для нас, несчастных мужчин, все кончено, старина. Все равно что с вашей шеи сняли мерки, чтобы заказать для нее железный ошейник.

– Откуда такая глубокая мудрость, ваша милость? – поинтересовалась Эмили, положив руку на перила.

Он подмигнул.

– Ну как же! Разумеется, от отца. Как, по-вашему, моя мать охомутала его в двадцать два года, еще юным гвардейцем? – Фредди снял мокрую шапку и встряхнул ее. Капли полетели в разные стороны. – Удачи наверху, мистер Гримсби.

Найти наверху ванную комнату оказалось просто. Из-за двери разнузданными клубами вырывался пар, и слышался веселый голос Люси:

– Заходите прямо сюда, мистер Гримсби! Поселившись в аббатстве, его светлость сразу приказал провести в дом трубы с горячей водой, прямо как в одном из этих шикарных отелей.

Шум воды прекратился, из ванной вышла Люси. Из-под ее чепца выбились волосы, кудрявясь от влаги.

– Ну вот! Я приготовила вам полотенце и кусок мыла. Мокрые вещи можете протянуть мне из-за двери. – Она просияла, с надеждой глядя на Эмили.

– Да, конечно. – У Эмили пересохло во рту. Она вошла в ванную и плотно закрыла за собой дверь. Небо, видневшееся в небольшом квадратном окошке, почернело, по стеклу струился дождь. Люси зажгла две свечи – восковые, а не сальные – и положила белое мохнатое полотенце. Похоже, Эшленд хорошо заботится о своих слугах.

Вода плескалась об эмалированные стенки ванны, от нее исходил пар. Эмили вытащила из кармана письмо и торопливо прочла короткие строчки:

«Обе птички благополучно приземлились. Визит в следующем месяце, как договаривались. Д.»

Эмили с облегчением выдохнула, только сейчас поняв, что задерживала дыхание. Сестры в безопасности, хотя бы на время.

Она сняла шапку, перчатки и куртку, размотала шарф и расстегнула брюки. Аккуратно поставив рядом со стулом башмаки, чуть приоткрыла дверь.

– Вот, – сказала она, протягивая мокрые вещи Люси.

– Спасибо, сэр. О! И не забудьте нижнее белье, сэр! Я сразу же отнесу его в прачечную.

Эмили снова закрыла дверь и расстегнула длинную волглую рубашку. Ткань упрямо липла к коже, пришлось отирать. Теперь подштанники. Она перекинула все через руку и приоткрыла дверь на каких-нибудь два дюйма.

– Сэр, я спокойно могу...

Эмили приоткрыла дверь еще чуть-чуть и протолкнула белье наружу.

– Ну вот, сэр. О, какие у вас прелестные руки, сэр, не в обиду будь сказано.

– Спасибо, Люси.

– Так много молодых людей не утруждаются уходом за руками, но ваши такие чистые и красивые, как у леди, мистер Гримсби. Осмелюсь сказать, они, наверное, очень чувствительные, правда, мистер Гримсби?

– Они такие же, как и любые другие руки, Люси. Спасибо.

Люси переступила с ноги на ногу. Эмили понадежнее спряталась за дверью.

– Если вода слишком остынет, вы можете открыть горячий кран, – сказала Люси. – Вы, конечно, знаете, как открывать краны, мистер Гримсби?

Эмили вспомнила ванную комнату у себя дома, где установили новейшее оборудование всего несколько лет назад, в качестве свадебного подарка последней невесте князя. Она была изящной, с фиолетовыми глазами и очень глупенькой, хотя и примерно одного возраста с Эмили.

– Да, конечно, – ответила она.

– Потому что если вы не уверены, я могу показать вам как.

– Совершенно уверен. Спасибо, Люси.

– Вы видели, куда я положила полотенце, мистер Гримсби? Потому что я...

– Да, Люси. Я увидел и полотенце, и мыло, и свечи. Все сделано очень толково. Спасибо. Больше мне ничего не надо.

– Когда закончите, можете позвонить в звонок, мистер Гримсби. Он там, на стене. И я принесу вам ужин прямо в комнату, вкусный и горячий.

– Спасибо, Люси.

Наконец шаги Люси стали удаляться по коридору. Эмили закрыла дверь и привалилась к ней.

Но только на мгновение. Горячая вода манила, исходя паром. Эмили заперла замок на двери и разбинтовала груди. Они выскочили на свободу с таким облегчением, что Эмили пробрало буквально до костей.

На стене негромко тикали часы, чуть перекрывая спокойный стук дождя. Эмили ступила в ванну и опустилась в воду.

От тепла продрогшую кожу начало покалывать. Эмили какое-то время лежала неподвижно, закрыв глаза, согнув колени и позволив рукам свободно плавать на поверхности. Ванна была небольшая, но достаточно глубокая, так что вода укрывала ее по шею, словно закутывала коконом. Щеки под бакенбардами чесались, ей ужасно хотелось сорвать их, но

прежде чем выйти из ванной комнаты, придется прилаживать их снова, а без клея это сделать невозможно.

Господи, как хорошо в ванне! Словно каждый ноющий участок тела кто-то ласкает теплом. Эмили открыла глаза и посмотрела на себя, на укрытое водой женское тело. Груды выскочили на поверхность, соски в прохладном воздухе затвердели. Груды у нее были не особенно большие, но круглые, крепкие, красивой формы, и она радовалась, освободив их от бинтов, которые под рубашкой делали их плоскими. Одной рукой Эмили потрогала правую грудь, обхватила ее ладонью, приподняла, словно округлый островок в воде.

Что бы подумал о них Эшленд, увидь он их сейчас?

Эмили ахнула и отдернула руку. Откуда вдруг такая мысль?

Разумеется, потому что она увидела его на дороге. Направляющимся к своей любовнице, на ежемесячное совокупление. Наверное, сейчас он как раз трогает голые груди той женщины, ласкает их, гладит.

Вот почему она об этом подумала.

Эмили снова закрыла глаза. Она многое знала об акте плотского слияния, гораздо больше, чем могла предположить ее семья. Ну, может быть, мисс Динглеби и догадывалась. Мисс Динглеби видела книги на прикроватной тумбочке Эмили и знала, что за содержание прячется под научными латинскими названиями. Мисс Динглеби даже тайно добавляла книги к стопке. Эмили была любознательной и любила науку, и, разумеется, перерыла всю старую отцовскую библиотеку и отыскала там книги, представляющие огромный интерес для любознательной прилежной девушки, которая ни разу в жизни не целовалась.

Чье девственное тело принадлежало не ей, а государству Хольштайн-Швайнвард-Хунхоф. Его необходимо было оберегать, а затем использовать в интересах государства.

Которая, прикрываясь спокойной и послушной долгу оболочкой, в душе жаждала приключений.

Ну, теперь у нее есть приключение, верно? Она обрела рискованную жизнь, маскировку, даже книги и возможность учиться. Больше никакой чопорности, никаких церемоний. Никакого отца с неодобрительными взглядами и поджатыми губами, если она не дотягивала до жестких стандартов принцессы Хольштайн-Швайнвард-Хунхофа. Отец мертв, лежит в усыпальнице собора Хольштайна, а она свободна.

Эмили открыла глаза и посмотрела на свое тело, невинное и нетронутое, женственное, с округлостями в нужных местах, колеблющееся под водой, освещенной пламенем свечей. Интересно, как выглядит любовница Эшленда? Кого предпочитает герцог – высоких богинь или изящных фарфоровых куколок? Стройных или грудастых? Умных или глупых? Разговаривает ли он с леди своим рокошущим голосом, трогает ли ее своими крупными пальцами, целует ли своими покалеченными губами? Или для него это всего лишь сделка, несколько фрикций в определенное место?

Вода остывала. Эмили подумала, не открыть ли горячий кран, но побоялась, что отклеятся бакенбарды. По-этому она просто села и потянулась за мылом.

Какая разница, каких женщин предпочитает Эшленд или как он занимается с ними любовью. Это не имеет никакого отношения к Эмили. Она подумала об этом только потому, что они встретились на дороге, когда он направлялся к своей любовнице, а Эмили по своей природе очень любознательна.

Вот и все.

Герцог Эшленд, вернувшись домой и прикончив свой вечерний бокал шерри одним долгим глотком, шел по коридору к главной лестнице, когда заметил слабый свет, пробивающийся из-за приоткрытой двери в библиотеку.

Это наверняка не Фредди. Фредди мог не спать целую ночь, увлекшись каким-нибудь научным проектом, но предпочитал делать это в комфорте и уединении собственной комнаты.

Значит, Гримсби.

Эшленд собирался пойти дальше по коридору. Неловкое это дело – полуночные беседы с прислугой, и вообще он не в настроении сейчас разговаривать, потому что все еще не снял одежду, промокшую под непрерывным дождем, пока добирался домой из «Эшленд-спалотеля». Почему он вообще продолжает эту ежемесячную авантюру? Как всегда, он вышел из номера беспокойным, недовольным собой, полным отвращения и тоски и поклялся себе, что это в последний раз. Хотя и знал, что это вранье.

И последнее, что ему сейчас требуется, это общение с другим человеком.

Но правая нога не шагнула вперед, как следовало, и не опустилась на мраморный пол, направляя его тело дальше по коридору. Вместо этого левая рука самостоятельно толкнула дверь в библиотеку.

Мистер Гримсби испуганно вскочил.

– Ваша светлость!

– Прошу прощения. – Эшленд махнул рукой. – Прошу вас, не вставайте. Я не хотел вам мешать.

Гримсби уронил ладонь на лежавший перед ним открытый томик.

– Надеюсь, я ничего не нарушил, сэр. Мне не спалось, и я подумал, что если немного почитаю, то мне это поможет.

– Моя библиотека в вашем распоряжении. В конце концов книги для того и существуют, чтобы их читали. – Эшленд внезапно обнаружил, что уже вошел в плохо освещенную комнату. Две свечи на столе удивленно замигали. – Садитесь же, мистер Гримсби. После полуночи я не настаиваю на церемониях.

Гримсби упал в кресло, настороженно глядя, как Эшленд направляется к противоположной стене.

– Хорошо провели вечер, сэр?

Эшленд провел указательным пальцем по ряду кожаных переплетов. Взгляд скользил по буквам, не видя названий. Неужели в голосе учителя прозвучала ирония?

– Не особенно. А вы, мистер Гримсби? Вы сказали, вам не спится. Надеюсь, это не из-за того, что вам неудобно. Вы имеет полное право поменять комнату и потребовать все, что вам хочется. Мы серьезно рассчитываем на то, что вы останетесь тут.

– Вряд ли я успел доказать такую свою ценность.

Эшленд повернулся и прислонился к полкам за спиной. Гримсби сидел очень прямо, расправив плечи и храбро вздернув подбородок.

– У нас, по сути, нет выбора. Мы полностью в вашей власти, мистер Гримсби.

– Вы можете подождать экзаменов его милости еще год. – Храбрый подбородок вздернулся еще чуть-чуть выше.

Эшленд подавил улыбку восхищения. Он вспомнил одного юного солдата – тому едва исполнилось восемнадцать, но подбородок он вздергивал так же отважно. Что случилось с тем юношей? Эшленду не хотелось этого знать. Он глубоко вздохнул, и запахи библиотеки мягко легли ему на душу, такие знакомые и успокаивающие: кожа и лимонное масло, пыль и дерево.

– Можем. Что вы читаете, если мне будет позволено задать такой заурядный вопрос? – Он кивнул на книгу и скрестил на груди руки.

– Вообще-то роман. Мисс Бронте.

– Так-так! Знакомьтесь с местностью, верно? Хотя заверяю вас, жизнь в Эшленде вовсе не так романтична.

– Зато настроение схвачено удачно. Унылость, масштабы.

– Моя жена читала их постоянно, снова и снова. Полагаю, это ее экземпляр.

Гримсби вздрогнул и откинул обложку. Глаза его расширились, стоило ему увидеть надпись на фронтисписе.

– О! Прошу прощения!

– Нет необходимости. В конце концов это всего лишь книга. Кожа и бумага. – Эшленд оттолкнулся от полки и подошел к столу, за которым сидел Гримсби, – его бакенбарды в смущении подергивались. – Надеюсь, мой сын не стал впечатлять вас готическими семейными историями? Имя герцогини здесь вовсе не под запретом. – Он опустил в противоположное кресло и скрестил ноги на темном ковре.

– Тем не менее тема неловкая.

– Это просто факт. Герцогиня покинула этот дом больше десяти лет назад, и с тех пор мы успели примириться с утратой. – Он наблюдал за реакцией Гримсби, но тот упорно смотрел на обложку книги, на небольшие золоченые буквы, выдавленные на коже. – Ваши родители живы, мистер Гримсби? – услышал он собственный голос.

Гримсби наконец-то поднял взгляд. Его голубые глаза за стеклами очков смотрели серьезно.

– Нет, ваша светлость.

– Но вы все-таки говорите о них, правда? Видите ли, время лечит любые раны. Ну, не совсем любые, – добавил он, коротко подняв правую руку и тут же снова уронив ее на колени. – Но нет никакого смысла делать вид, что наших несчастий не существовало.

– Полагаю, это так.

Эшленд подался вперед. Вероятно, шерри сделало его бесцеремонным.

– А вы осмотрительный человек, мистер Гримсби. Мне даже стало любопытно. Неужели вам нечего рассказать о себе?

– Ничего, что могло бы заинтересовать вашу светлость, я уверен.

Лицо Гримсби не изменилось ни на йоту, взгляд не дрогнул, даже ресницы не опустились. Но отточенные чувства Эшленда насторожились. Ему послышались слова Олимпии, сказанные когда-то на пыльной дороге в Кашмир: «Остерегайся человека, которому нечего о себе рассказать».

Герцог Олимпия, приславший этого молодого учителя в Эшленд-Эбби.

Эшленд вытащил из кармана жилета часы. Всего-то несколько минут после полуночи. Он сунул часы обратно, потянулся и встал.

– Пожалуй, я выпью бокал шерри, мистер Гримсби. Присоединитесь ко мне?

– Нет, спасибо, сэр.

Эшленд чувствовал на себе настороженный взгляд Гримсби, пока шел к подносу с графинами, стоявшему на небольшом круглом столике у окна.

– Давайте же, мистер Гримсби. Я настаиваю. Бокал вина хорошо успокаивает перед сном. – Он откупорил хрустальный графин и налил два бокала.

Глаза Гримсби за стеклами очков расширились, когда Эшленд вернулся, держа оба бокала между пальцами левой руки.

– Сэр, я...

Эшленд поставил бокалы на столик. На аккуратном рисунке бокалов, напоминающем снежинки, заиграли отсветы пламени.

– Я настаиваю.

Гримсби протянул изящную руку и взял бокал.

– Тост, мистер Гримсби, – сказал Эшленд, подняв свой бокал и слегка наклонив его вперед. Он изо всех сил старался не обращать внимания на предвкушение, певшее в жилах. – За успешные отношения!

– И в самом деле, сэр. – Гримсби чокнулся с Эшлендом и осторожно пригубил.

– Пейте, пейте, мой добрый друг. Это превосходное шерри. Мне каждый год доставляют его прямо из Португалии.

Гримсби сделал еще глоток, побольше.

– Да, очень хорошее.

– Видите ли, мистер Гримсби, вы ошибаетесь. На самом деле я искренне вами заинтересовался. Молодой человек выдающегося ума и отличного воспитания, уж не говорю о самообладании. Право же, я задаюсь вопросом – почему столь многообещающий юноша соглашается на такое незначительное место с таким мизерным жалованьем в одиноком уголке на краю мира? – Эшленд сделал глоток шерри и вытянул ноги, все еще обутые в начищенные кожаные сапоги для верховой езды, потемневшие от использования.

– Вы чересчур скромны, ваша светлость. Жалованье более чем щедрое.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Вероятно, вы не совсем понимаете, насколько ограничены возможности молодого человека моего возраста, не имеющего практического опыта.

– Вас опекает герцог Олимпия. – Эшленд сказал это чуть резче, чем намеревался. Ему прискорбно недостает практики. «Сдерживайте свои чувства, мой мальчик, – прозвучал в голове знакомый голос. – Вы – человек великих животных страстей. Это ваша сила и одновременно ваша слабость».

– Многие другие тоже пользуются покровительством великих мира сего. Кроме того, я не особенно честолобив. – Гримсби сделал еще глоток шерри, словно пытаясь скрыть смущение. – Мне не хочется становиться деловым человеком и отвечать за что-то важное. Мне нужны всего лишь книги и достаточно денег, чтобы содержать себя.

– А жена? Семья? Вы не желаете этих утешений?

– Я... полагаю, да. – Из-под бакенбард Гримсби растекался румянец. – Когда-нибудь.

– И вас не тянет к женскому обществу?

– Похоже, не так сильно, как вас.

Все это время Эшленд попивал шерри и теперь покрутил в пальцах пустой бокал.

– Вы не одобряете моей сегодняшней поездки?

– Это не мое дело. – Гримсби посмотрел на лежавшую перед ним книгу и провел пальцем по корешку. – Полагаю, для вас это более чем естественно... физическая потребность...

– Я полностью вас понимаю, мистер Гримсби. Остается только надеяться, что слухи о моей ужасающей распущенности не достигнут ушей моего друга Олимпии. Боюсь, он этого не одобрит.

Гримсби резко вскинул голову.

– Разумеется, нет, ваша светлость! Мне бы такое и в голову не пришло!

Голос его звучал так потрясенно, был полон такого искреннего смятения, Гримсби настолько не уловил иронию в словах Эшленда, что герцог почувствовал себя словно подвешенным в воздухе, разрываемым между подозрением и восхищением. Он мягко произнес:

– В таком случае, прислав вас сюда, мой друг Олимпия просто оказал мне услугу от щедрого сердца?

– Я... боюсь, я не понимаю вас, сэр.

Эшленд встал. Голова его слегка закружилась, он покачнулся, но тут же выпрямился, поставил опустевший бокал на стол и увидел, как пламя свечи отражается от золотистых волос Гримсби, создавая над ними ореол.

– Это полная ерунда, мистер Гримсби. Боюсь, мой интеллект меня сегодня подводит.

Гримсби уже вставал из своего кресла.

– С вами все в порядке? Могу я чем-нибудь помочь?

– Со мной все прекрасно. Благодарю за беседу, мистер Гримсби. Надеюсь, мы сможем часто повторять это вечернее удовольствие, когда снаружи завоеет зима. – Эшленд показал на окно.

– Вы уже уходите, ваша светлость?

– Да. – Эшленд всмотрелся в лицо Гримсби, в прищуренные глаза за стеклами очков, в крохотную озабоченную морщинку между бровями. Этот мальчик такой серьезный, такой мудрый и одновременно такой наивный. – Знаете, вы весьма интригующая личность, – рассеянно произнес он.

Рука Гримсби упала на книгу.

– Ничего подобного.

– Не могу не задаваться вопросом, не скрываете ли вы куда больше, чем показываете.

– Прошу прощения, что вы имеете в виду?

Эшленд выпрямился. Не следовало пить тот лишний бокал шерри, его тело к этому не привыкло. Но так приятно, когда твои мозги цепенеют, когда кровь опять поет, а в отсутствующей руке не ощущается ничего, кроме онемения.

– Я толком не знаю, что имел в виду, мистер Гримсби, – ответил он, улыбнулся, протянул руку и похлопал беднягу по изумленному подбородку. – Но я непременно это выясню.

Дверь за внушительной фигурой герцога Эшленда затворилась. Эмили рухнула в кресло. Она закрыла глаза, но его лицо по-прежнему стояло перед ней – черная повязка на гладкой коже, единственный ярко-голубой глаз внимательно изучает ее.

«Знаете, вы весьма интригующая личность».

Эмили глубоко вдохнула. Ей кажется, или она действительно все еще чувствует его запах? Немного шерри, дикий ветер с болот, теплая шерсть, ароматпряного мыла – скорее всего сандаловое дерево. А может быть, это она сама. Эмили подняла руку и принялась к рукаву.

Нет, от нее ничем таким не пахнет.

Сердце все еще быстро колотилось в груди, кончики пальцев щипало. Да что за дьявольщина с ней творится? Этот высокий крупный человек со своим пронзительным взглядом, изуродованным лицом и пустой манжетой – боже милостивый, уж не влюблена ли она в него? В герцога Эшленда, всего два часа как выбравшегося из постели какой-то проститутки, сидевшего тут с вытянутыми ногами и с волосами, бело светившимися в полумраке библиотеки?

Эмили снова подняла руку и притронулась к подбородку. Она ощущала герцога, чувствовала, как затрепетали ее жилы, когда он потянулся к ней, когда ее кожа предвкушала его прикосновение. Она, Эмили, хладнокровная и любящая науку, принцесса Германии!

Издали послышался приглушенный топот – Эшленд поднимается по лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.